

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН

О ГРАДЕ БОЖИЕМ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Аврелий Августин

О граде Божием

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69751690
ISBN 978-5-17-156798-9

Аннотация

Аврелий Августин – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский, один из Отцов христианской церкви.

Наиболее известное сочинение философа и богослова Аврелия Августина «О граде Божием», написанное вскоре после разграбления Рима вестготами, состоит из двух основных частей. В первых десяти книгах объясняются причины неотвратимого падения язычества, а последние десять книг описывают грядущее торжество праведников Божиих.

Августин рассматривает всю историю человечества как сосуществование двух сфер: высшего «града Божиего» и грешного «града земного», где одним предназначено «вечно царствовать с Богом», а другим «подвергаться вечному наказанию с дьяволом».

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Книга первая	8
Предисловие	9
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	23
Глава VII	25
Глава VIII	27
Глава IX	30
Глава X	35
Глава XI	40
Глава XII	42
Глава XIII	45
Глава XIV	48
Глава XV	49
Глава XVI	53
Глава XVII	55
Глава XVIII	57
Глава XIX	60
Глава XX	65
Глава XXI	68

Глава XXII	70
Глава XXIII	73
Глава XXIV	75
Глава XXV	78
Глава XXVI	80
Глава XXVII	83
Глава XXVIII	86
Глава XXIX	89
Глава XXX	91
Глава XXXI	93
Глава XXXII	95
Глава XXXIII	97
Глава XXXIV	99
Глава XXXV	100
Глава XXXVI	102
Книга вторая	104
Глава I	105
Глава II	107
Глава III	110
Глава IV	112
Глава V	115
Глава VI	118
Глава VII	120
Глава VIII	122
Глава IX	124
Глава X	127

Глава XI	129
Глава XII	131
Глава XIII	133
Глава XIV	136
Глава XV	140
Глава XVI	141
Глава XVII	142
Глава XVIII	145
Глава XIX	149
Глава XX	151
Глава XXI	153
Глава XXII	158
Глава XXIII	161
Глава XXIV	165
Глава XXV	168
Глава XXVI	171
Глава XXVII	174
Глава XXVIII	176
Глава XXIX	177
Книга третъя	180
Глава I	181
Глава II	183
Глава III	186
Глава IV	188
Глава V	189
Глава VI	191

Глава VII	193
Глава VIII	196
Глава IX	197
Глава X	199
Глава XI	203
Глава XII	205
Глава XIII	207
Глава XIV	211
Глава XV	217
Глава XVI	222
Глава XVII	225
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Аврелий Августин О граде Божием

Aurelius Augustinus

DE CIVITATE DEI CONTRA PAGANOS

Перевод с латинского

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фerez

В оформлении обложки использована картина Якопо дель Селлайо «Триумф вечности».

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Книга первая

Опровергает язычников, которые бедствия империи, особенно же последнее опустошение Рима готами, приписывали христианской религии, запрещающей культ богов. Рассуждает о благосостоянии и невзгодах, бывших в то время по обыкновению общими и для людей добрых, и для злых. Обуздывает наглость тех, которые ставили в укор христианству изнасилование христианских женщин воинами.

Предисловие

О цели и содержании предпринятого сочинения

В этом сочинении, любезнейший сын мой Марцеллин, тобою задуманном, а для меня, в силу данного мною обещания, обязательном, я поставил своей задачей защитить град Божий, славнейший как в этом течении времени, когда странствует он между нечестивыми, «живя верою» (Авв. 2, 4), так и в той вечной жизни, которую сейчас он «ожидает с терпением» (Рим. 8, 25), веря, что «суд возвратится к правде» (Пс. 93, 15), и которую он обретет в силу несомненного ее превосходства, защитить против тех, которые ставят своих богов выше его Основателя. Велик и тяжел этот труд; но «Бог нам прибежище» (Пс. 61, 9).

Знаю, какие нужны силы для того, чтобы убедить гордых, как велика доблесть смирения, благодаря которой все земные величия, колеблющиеся от непостоянства времени, превосходит не присвоенная себе человеческой спесью высота, а та, которая даруется божественною благодатью. Ибо Царь и Основатель этого града, о котором мы задумали говорить, открыл в Писании Своем народам определение божественного закона, в котором сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5). Но то, что принадлежит одному только Богу, старается присвоить себе

и надменный дух гордой души, и любит, чтобы ему вменяли в славу

Щадить покорных, низлагая гордых¹.

Поэтому, насколько того требует предпринятый мною труд и насколько это представляется возможным, нельзя обойти молчанием и земного града, который, стремясь к господству, сам находится под властью этой страсти господствовать, хотя ему и поклоняются народы.

¹ Virg. *Aeneid.*, lib. VIII, v. 853.

Глава I

*О врагах имени Христова, которых варвары при
опустошении Рима пощадили ради Христа*

Из этого-то града и выходят враги, от которых нам надлежит защищать град Божий. Многие из них, впрочем, исправив заблуждение нечестивости, становятся вполне приличными гражданами града, но многие до такой степени воспаляются ненавистью к нему и до такой степени оказываются неблагодарными к очевидным благодеяниям его Искупителя, что поднимают против него в настоящее время языки свои даже потому, что, избегая вражеского меча, спасли жизнь, которою гордятся, в его священных местах.

Разве враждебными имени Христову оказываются не именно те римляне, которых варвары пощадили ради Христа? Об этом свидетельствуют места мучеников и базилики апостолов, которые во время опустошения Рима уберегли в себе и своих, и чужих. До их порога свирепствовал кровавый неприятель; там останавливалась ярость убийцы; туда сострадательные враги приводили тех, кого щадили вне этих мест, чтобы не набросились на них другие, которые подобного сострадания не имели. Даже у тех из них, которые убивали и свирепствовали по обычаю врагов в других местах, и у тех, после того как приходили они туда, где запрещено было то, что в других местах по праву войны позволя-

лось, вся свирепость укрощалась и пропадала жадность к военной добыче. Таким-то образом уцелели многие, унижающие теперь времена христианские и обвиняющие Христа за все те бедствия, которые испытал их град, а те блага жизни, что даны были им в честь Христа, приписывают не нашему Христу, а своему фатуму.

А между тем, если бы было у них хоть сколько-нибудь здравого смысла, они должны были бы все то, что претерпели от врагов сурового и жестокого, приписать божественному провидению, которое обычно исправляет и сглаживает войнами испорченные нравы людей, справедливую же и похвальную жизнь смертных в то же самое время этими поражениями упражняет и после испытания или переносит их в лучший мир, или удерживает на этой земле ради пользы других. А то, что кровожадные варвары, вопреки обычаю войны, пощадили их ради имени Христова в местах, посвященных имени Христову, – это им следовало приписать временам христианским, и за это они должны были благодарить Бога, и, чтобы избежать наказания вечным огнем, искренне прибегнуть к имени Его, имени, которое многие употребили ложно, чтобы избежать неминуемой гибели. Ведь среди тех, которых ты видишь так дерзко и нагло издевающимися над рабами Христовыми, весьма много таких, которые не избежали бы этой гибели и истребления, если бы не выдали себя ложно за рабов Христа. И вот, в неблагодарной своей гордыне и по нечестивейшему безумию, чтобы получить наказание

вечным мраком, восстают они извращенным сердцем своим против имени Его, имени, к которому прибегли лукавыми устами своими, чтобы пользоваться временным светом!

Глава II

О том, что никогда никакие войны не были ведены так, чтобы победители щадили побеждаемых ради богов тех, кого победили

Описано немало войн, которые велись как до основания Рима, так и после, в том числе и во времена империи: пусть прочитают и скажут, был ли какой-либо город взят иноплемениками так, чтобы враги, взявшие его, пощадили тех, кого нашли укрывшимися в храмах своих богов; или чтобы какой-либо предводитель варваров повелел, ворвавшись в город, не убивать никого, кто убежал бы в тот или иной храм? Разве не видел Эней, как Приам на жертвеннике

Кровью своей осквернил им огонь освященный?²

Или это не Диомед и Улисс

Стражей священного храма убивши, украли
Образ святейший; руками, залитыми кровью,
Чистых повязок богини коснуться дерзнули?

И, однако же, то было неправда, о чем говорится далее:

² Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 502.

После того, пошатнувшись, ослабла надежда ахейцев³,

ибо после того они победили; после того они разрушили Трою огнем и мечом; после того обезглавили Приама, искавшего убежища у жертвенников. Что же тогда потеряла перед этим сама Минерва, что погибла? Не стражей ли своих? Действительно, она могла быть унесена только после их умерщвления. Ведь не статуя охраняла людей, а люди – статую. Зачем же тогда ей молились, чтобы она охраняла отчизну и граждан, если она не имела сил сохранить даже стражей своих?

³ Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 166–168.

Глава III

Как неразумно верили римляне, будто им могут приносить пользу боги пенаты, не могшие уберечь Трои

И римляне утешались, что таким богам вверили для охраны свой город! О, какое жалкое заблуждение! И при этом на нас обижаются за то, что мы говорим подобные вещи об их богах, а на своих писателей – нет; более того, за изучение их назначили награду, а самих учителей сверх того сочли достойными и общественного жалования, и высокого сана. А между тем у Вергилия, которого малые дети читают потому, что он-де величайший из поэтов, самый знаменитый и лучший, и надо его поэтому изучать в нежном возрасте, поскольку усвоенное юными душами запоминается крепче, о чем говорит и Гораций в своем известном изречении:

Глиняный новый сосуд долго удерживать сможет
Запах налитого⁴,

– у этого самого Вергилия Юнона, ненавидящая троянцев, представлена говорящею Эолу, царю ветров, следующие слова, направленные на то, чтобы возбудить его гнев против них:

⁴ Horat. *Epist.*, lib. I, *Epist.*, lib. II, v. 69–70.

Род мне враждебный плывет по Тирренскому морю,
Трои сыны, что везут побежденных пенатов⁵.

Этим ли побежденным пенатам мудрые люди должны были вверить Рим, чтобы сделать его непобедимым? Но Юнона-де, возразят нам, говорила это как раздраженная женщина, которая не знает, что говорит. А сам Эней, названный во всех отношениях благочестивым, не рассказывает ли так:

Вот и Пантей Отриад, храма и Феба служитель
Тащит рукою священной богов побежденных и внука
Малого; путь потеряв, направляется к дому?⁶

Не богов ли, которых не сомневается назвать побежденными, представляет он скорее вверенными ему, чем себя — им, когда к нему обращаются с такою речью:

Вверяет тебе Илион и пенатов своих, и святыню?⁷

Итак, если Вергилий говорит, что боги таковы, что они были побеждены, что были вверены человеку, чтобы, как побежденные, могли каким бы то ни было образом уйти, то сколь же безумно считать мудростью то, что Рим был вверен таким охранителям: как будто он не мог бы подвергнуться

⁵ Virg. *Aeneid.*, lib. I, v. 67–68.

⁶ Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 318–321.

⁷ Ibid, v. 293.

опустошению, если бы их не оставил? Да и поклоняться побежденным богам, как правителям и защитникам, не значит ли, вместо добрых надежд на божество, становиться под дурные предзнаменования? Гораздо разумнее верить не тому, что Рим не дошел бы до такого бедствия, если бы не погибли прежде они, а тому, что они погибли бы давным-давно, если бы их не охранял, насколько мог, сам Рим. Ибо кто, вникнув в суть дела, не поймет, как легкомысленно составилось предубеждение, будто Рим не мог быть побежден под защитою побежденных и потому погиб, что потерял своих стражей-богов, когда достаточной причиной гибели могло быть даже одно то, что он захотел иметь стражей, которым угрожала гибель. Итак, когда вышеприведенное писалось и воспевалось о богах, то это не был вымысел поэтов: это вынуждала говорить разумных людей сама истина. Но об этом более обстоятельно мы поговорим в другом месте.

В настоящем же случае я поподробнее останавлиюсь на поведении тех неблагодарных людей, которые зло, терпимое ими заслуженно вследствие развращенности их нравов, богохульно вменяют в вину Христу, а на то, что им, даже и таким, дана была пощада ради Христа, не удостаивают обратить своего внимания; в безумии святотатственной дерзости упражняют они свои языки, хуля имя Христово, языки, которыми лживо произносили это святое имя, чтобы остаться в живых, или, по крайней мере, удерживали их в посвященных Ему местах, чтобы там, где ради Него враги оставляли их

неприкосновенными, быть в безопасности под Его защитой; но как только опасность миновала, они поспешили убраться оттуда и выступить с враждебной против Него клеветой.

Глава IV

Об убежище Юноны в Трое, которое никого не спасло от греков, и о базиликах апостолов, которые защитили от варваров всех, кто в них искал убежища

Как сказал я, сама Троя, мать римского народа, не могла в священных местах своих богов оградить горожан от огня и меча греков; хотя греки почитали тех же богов. Потому что в убежище Юноны

Феникс и лютый Улисс охраняли ахейцев добычу,
Стоя на страже: туда отовсюду из Трои сносились
С храмов зажженных погибшего града святыни:
Тризны богов, из массивного золота чаши,
Горы одежд драгоценных – копий врага достоянье;
Малые дети и матери их, замирая от страха,
Рядом стояли вокруг⁸.

Очевидно, что священное место такой великой богини избрано было не для того, чтобы оттуда не разрешалось забирать в плен, а для того, чтобы туда можно было заключать пленных. Теперь сравни это убежище, священное место не какого-нибудь рядового бога или одного из толпы низших богов, а сестры и супруги самого Юпитера и царицы всех бо-

⁸ Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 762–767.

гов, — сравни с местами, посвященными памяти наших апостолов. В то убежище сносились добыча, награбленная из за-
жженных храмов и у богов, сносилась не для того, чтобы ее
возвратить побежденным, а для того, чтобы поделить между
победителями; здесь же и то, что было взято в другом месте,
но оказалось принадлежавшим этим местам, было возвра-
щено им с честью и благоговейным уважением. Там свобода
терялась; здесь она сохранялась. Там сберегалось отнятое;
здесь запрещено было брать. Туда владычествующий враг
сгонял для обращения в рабство; сюда сострадательные вра-
ги приводили для освобождения. Наконец, тот храм Юно-
ны избрала для себя жадность и гордость легкомысленных
греков, а эти базилики Христовы — милосердие и смирение
самых необузданных варваров. Но, возможно, на самом де-
ле греки во время этой своей победы пощадили храмы об-
щих и им богов и не решились убивать и забирать в плен
убежавших туда несчастных побежденных троянцев, а Вер-
гилий, как это нередко бывает у поэтов, выдумал все выше-
приведенное? Но ведь он описал обычай врагов, разрушаю-
щих города.

Глава V

*Мнение Цезаря об общем обычае врагов,
разрушающих город*

Даже Цезарь (как пишет о том Саллюстий, историк, известный своею правдивостью) не преминул в своей речи, которую произносил в сенате относительно заговорщиков, упомянуть об этом обычае: «Похищать девиц и отроков; вырывать детей из объятий родителей; матерей семейств заставлять терпеть все, что заблагорассудится победителям; храмы и дома грабить; производить убийства и пожары; наполнять, наконец, все звоном оружия, трупами, кровью и воплем»⁹.

Если бы он умолчал в этом случае о храмах, мы бы еще могли подумать, что враги имели обычай щадить местопребывания богов. И опасность такого рода угрожала римским храмам не со стороны чужеземных врагов, а со стороны Катилины и его союзников, благороднейших сенаторов и римских граждан. Но это-де люди потерянные и отцеубийцы отчизны...

⁹ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*

Глава VI

О том, что и сами римляне не брали никаких городов так, чтобы в храмах их щадили побежденных

Но зачем нам перебирать множество народов, ведших между собою войны и никогда не дававших пощады побежденным в храмах их богов? Посмотрим на самих римлян; вспомним, говоря, и пересмотрим этих самых римлян, которые в особую славу себе вменяли

Щадить покорных, низлагая гордых,

и которые якобы предпочитали прощать полученные оскорбления, а не мстить за них. Для распространения своего владычества они разрушили столько и таких больших, взятых силою оружия, городов. Пусть же прочитают нам, какие храмы они имели обычай выделять, чтобы освободить всякого, кто бы в них укрылся? Или они делали это, но историки о том умолчали? Неужели историки, специально выискивавшие такое, что могли бы хвалить, обходили молчанием подобные, по их же мнению, самые блистательные доказательства благочестия?

О знаменитом римлянине Марке Марцелле, взявшем славный город Сиракузы, рассказывают, что он перед штурмом плакал об угрожавшем городу разрушению. Позаботил-

ся он и об охране целомудрия, даже и в отношении врага. Ибо прежде чем, как победитель, повелел вторгнуться в город, предписал эдиктом, чтобы никто не чинил насилия над свободным телом. Тем не менее город был разрушен по обычаю войны, и мы нигде не прочтем, чтобы такой целомудренный и милостивый полководец дал приказ оставлять неприкосновенным того, кто убежал бы в тот или иной храм. А это никоим образом не было бы обойдено молчанием, нашли возможным умолчать ни о его плаче, ни об изданном им запрещении оскорблять целомудрие. Фабия, разрушителя Тарента, хвалят за то, что он не захотел обратить в военную добычу кумиров. Когда писец спросил у него, как он прикажет поступить со статуями богов, которых было набрано множество, он прикрыл умеренность свою шуткой. Он спросил, каковы они, и когда ему ответили, что многие из них не только велики, но и вооружены, он сказал: «Оставим гневливых богов тарентинцам». Итак, если плач того и шутливо выраженное благородство последнего не были обойдены молчанием римскими историками, то как могло бы быть ими опущено, если бы они оказали каким-нибудь людям пощаду в честь какого-либо из их богов в том смысле, что запретили бы в каком-нибудь храме совершать убийства и грабежи.

Глава VII

О том, что все, что при разрушении Рима совершилось жестокого, случилось по обычаю войны; а что делалось снисходительного, то произошло от могущества имени Христа

Итак, все эти опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время последнего римского поражения, – все это породил обычай войны. А то, что совершилось по новому обычаю: что варварская необузданность оказалась кроткой непривычным для войны образом; что в качестве убежища народу, который должен был получить пощаду, были выбраны и указаны обширнейшие базилики, где никого не убивали, откуда никого не брали в плен, куда сострадательные враги приводили многих для освобождения, откуда не уводили в плен никого даже самые жестокие из них, – все это следует приписать имени Христа; все это следует приписать времени христианскому. Кто этого не видит, тот слеп. Кто же видит, но не хвалит, тот неблагодарен. А кто возражает хвалящему, тот безумен. Человек благоразумный ни в коем случае не станет объяснять этого варварством врагов. Кровожадные и жестокие души Тот устранил, Тот обуздал, Тот удивительнейшим образом умерил, Кто задолго до этого предсказал через пророка: «Посещу жезлом беззаконие их, и ударами – неправду их; милости же Моей не

отниму от него» (Пс. 88, 33–34).

Глава VIII

О благополучии и злополучиях, которые по большей части общи и добрым, и злым

Кто-нибудь скажет: так почему же это божественное милосердие простерлось и на нечестивых и неблагодарных? А потому, полагаю, что его оказал Тот, Который ежедневно «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45). Хотя некоторые из них, размышляя об этом, исправляются от своей нечестивости покаянием, а некоторые, как говорит апостол, презирая богатство благодати и долготерпения Божия, по жестокости своей и непокаянному сердцу, собирают себе «гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим. 2, 4–6); однако терпение Божие призывает к покаянию злых, как бич Божий учит терпению добрых. Так же точно терпение Божие обнимает своим покровительством добрых, как божественная строгость стережет для наказания злых. Ибо такие блага справедливым, которыми бы не пользовались несправедливые, и такие бедствия нечестивым, от которых бы не страдали добрые, божественному провидению угодно уготовить в жизни будущей. А эти временные блага и бедствия оно пожелало сделать общими для тех и других. Это для того, чтобы не было слишком жадного стремления к благам, которые

оказываются в распоряжении и людей злых, и нравственного отвращения от бедствий, от которых очень часто страдают и люди добрые.

Но есть довольно большое различие в том, как пользуются люди тем, что называется счастьем, или тем, что — несчастьем. Ибо добрый ни временными благами не превозносится, ни временным злом не сокрушается; а злой потому и казнится этого рода несчастьем, что от счастья портится. Впрочем, Бог часто обнаруживает с большей очевидностью действие Свое в распределении и этого рода предметов. Ибо, если бы всякий грех был в настоящее время наказуем очевидным образом, можно было бы подумать, что для последнего суда не остается ничего; и наоборот, если бы Божество в жизни не наказывало открыто никакого греха, подумали бы, что божественного провидения нет вовсе. Так же точно и в отношении к счастью: если бы Бог с очевиднейшей щедростью не давал его некоторым просящим, мы сказали бы, что оно зависит не от Него; а если бы давал всем просящим, подумали бы, что Ему только из-за таких наград и следует служить; служение же такое сделало бы нас не благочестивыми, а корыстолюбивыми и жадными.

Если это так и если какие-нибудь добрые и злые одинаково подвергаются бедствиям, — из того, что не различено, что терпят те и другие, отнюдь не следует, чтобы между ними самими не было никакого различия. Различие между терпящими остается даже при сходстве того, что они терпят; и под

одним и тем же орудием пытки добродетель и порок не делаются одним и тем же. Как в одном и том же огне золото блестит, а солома — дымит; и в одной и той же молотилке стебли изламываются, а зерна — очищаются; и отстой масляный не смешивается с маслом только потому, что выдавливается одной и той же тяжестью пресса: так одна и та же обрушивающаяся бедствиями сила добрых испытывает, очищает, отцеживает, а злых обнаруживает, опустошает и искореняет. Поэтому, терпя одно и то же бедствие, злые клянут и хулят Бога, а добрые молятся Ему и хвалят Его. Важно не то, каково испытание, а только то, каков испытуемый, ибо одинаковым движением взболтанные — навоз невыносимо смердит, а благовоние — благоухает.

Глава IX

*О причинах, по которым и добрые, и злые одинаково
подвергаются бедствиям*

Да и что в этом общественном бедствии претерпели христиане такого, что при более верном взгляде на дело не послужило бы к их усовершенствованию? Во-первых, смиренно размышляя о самих грехах, разгневавшись на которые Бог наполнил мир такими бедствиями, они (хотя и далеко отстоят от злодеев, людей распутных и нечестивых) не настолько признают себя чуждыми разного рода проступков, чтобы всерьез полагать, что им не за что подвергаться за них временным лишениям. Не говорю о том, что каждый, даже если он вел и похвальную жизнь, в некоторых случаях поддается плотской наклонности: если и не к безмерным злодеяниям, не к крайнему распутству и не к мерзости нечестивости, то по крайней мере к некоторым грехам, или редким, или столь же частым, сколь и малозначительным; об этом я не говорю. Но легко ли найти такого человека, который бы к этим самым лицам, из-за отвратительной гордости, распушенности и жадности, из-за омерзительных неправд и нечестия которых Бог, как и предсказал с угрозой, стирает земли (Ис. 24 и др.), относился бы так, как следует к ним относиться, жил с ними так, как с такими следует жить? От того, чтобы их научить, усовестить, а иногда обличить и извест-

ным образом наказать, по большей части неуместно воздерживаются: то труд такой кажется тяжелым, то мы стесняемся оскорбить их в лицо, то избегаем вражды, чтобы они не помешали и не повредили нам в этих временных вещах, к приобретению которых еще стремится наша жадность, или потери которых боится наша слабость. Таким образом, хотя добрым и не нравится жизнь злых и они не подвергнутся с последними тому осуждению, которое тем уготовано после этой жизни, однако, так как они щадят достойные осуждения грехи их, хотя за свои, даже легкие и извинительные, боятся, то по справедливости подвергаются вместе с ними и временным наказаниям, хотя в вечности наказаны не будут. Терпя вместе с ними божественные наказания, они по справедливости вкушают горечь этой жизни, так как, любя сладость ее, не захотели сделать ее горькой для упомянутых грешников.

Конечно, если кто-либо воздерживается от обличения и обуздания поступающих дурно или потому, что ищет более удобного для этого времени, или потому, что боится за них же самих, чтобы они не стали от этого еще хуже или чтобы не воспрепятствовали научить доброй и справедливой жизни других, более слабых, не оказали на них дурного влияния и не отвратили от веры, то в этом обнаруживается не жадность, а мудрое правило любви. Грешно, когда ведущие жизнь добрую и отворачивающиеся от дел людей плохих снисходительно относятся к чужим грехам, от которых должны были бы отучать или которые должны были бы обличать, – от-

носятся снисходительно потому, что боятся оскорблений со стороны дурных людей, боятся вреда в тех вещах, которыми они сами, как добрые и невинные, пользуются дозволительным образом, но с большей жадностью, чем следовало бы это тем, которые странствуют в этом мире, уповая при этом на горнее отечество.

Действительно, не одни только слабейшие, ведущие супружескую жизнь, имеющие или желающие иметь детей, владеющие домами и хозяйствами (к таким апостол обращает речь свою в церквях, когда учит и убеждает, как должны жить жены с мужьями, мужья с женами, дети с родителями, родители с детьми, слуги с господами и господа со слугами), приобретают с охотой и теряют с огорчением многое временное и земное, а потому и не решаются оскорблять людей, чья развратная и полная злодеяний жизнь возбуждает у них отвращение; но и те, которые ведут высший род жизни, не связаны узами супружества, довольствуются малым в пище и одежде, — и те, слишком заботясь о своем добром имени и безопасности, боясь коварства и нападков со стороны людей дурных, воздерживаются от обличений. Хотя они и не настолько боятся последних, чтобы, уступая каким-либо их угрозам и непотребствам, и самим поступать подобным же образом, однако по большей части не хотят порицать того, чего вместе с ними не делают, хотя своим обличением, быть может, и исправили бы некоторых. Они боятся, чтобы в случае неудачи не пострадали их собственное благосостояние и

доброе имя; и бояться этого не потому, что доброе имя свое и благосостояние считают необходимыми для пользы людей, требующих наставления, а скорее по той слабости, которая любит ласкающий язык и человеческий день (1 Кор. 4, 3), страшится суда черни, истязания и умерщвления плоти, т. е. по причине некоторых уз вожделения, а не по обязанностям любви.

Итак, я вижу в этом достаточную причину того, почему вместе со злыми подвергаются бедствиям и добрые, когда Богу бывает угодно поразить временными казнями развращенные нравы. Подвергаются наказаниям вместе не потому, что совместно вели дурную жизнь, а потому, что совместно (хотя и неравномерно, но однако же совместно) любили жизнь временную, которую добрые должны были бы презирать, чтобы дурные, будучи обличены и исправлены, наследовали жизнь вечную (а если бы не захотели быть в наследовании ее союзниками, пусть бы были терпимы и любимы как враги: ибо пока живут, всегда остается надежда, что они изменят свою волю к лучшему). В этом деле они несут не одинаковую, а гораздо большую ответственность, чем те, которым сказано через пророка: «Сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража» (Иез. 33, 6). Для того и установлены стражи народов, т. е. предстоятели в церквях, чтобы они не щадили своими обличениями грехов. Но при этом не чужд вины подобного рода и тот, кто, хотя он и не предстоятель, но в тех лицах, с которыми связан необходи-

мыми условиями этой жизни, видит многое, заслуживающее предостережения и укора, но оставляет это без внимания, избегая ненависти ради того, чем в этой жизни пользуется как должным, но услаждается более чем должно. Затем есть и иная причина, по которой добрые подвергаются временным бедствиям, – такая, какая имела место в отношении Иова: чтобы душа человеческая испытывала саму себя и наконец осознала, насколько она, в силу одного только благочестия, бескорыстно любит Бога.

Глава X

*О том, что с потерей вещей временных святые
ничего не теряют*

Рассмотрев и обсудив сказанное надлежащим образом, обрати внимание на то, случается ли с верными и благочестивыми какое-либо зло, которое не обратилось бы для них в добро? Разве только признать пустыми словами известное изречение апостола, в котором он говорит: «Знаем, что любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8, 28)...

Потеряли они все, что имели? Неужто и веру? Неужто и благочестие? Неужто и благо внутреннего человека, богатого перед Богом (1 Пет. 3, 4)? Все это – богатства христианина, обладающий которыми апостол говорил: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим. 6, 6–10).

Итак, те, у кого во время этого разорения погибли земные богатства, если смотрели они на эти богатства так, как учил этот внешне бедный, а внутренне богатый человек, мог-

ли сказать, как сказал и Иов, тяжело испытанный, но непобежденный: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1, 21). Добрый раб, он считал величайшим своим богатством исполнять волю Господа, следуя которой богател умом, и не огорчился, потеряв при жизни те вещи, которые должен был бы потерять вместе со смертью. Те же слабейшие, которые, хотя и не предпочитали этих земных благ Христу, были, однако же, с некоторой страстностью привязаны к ним, те, теряя их, почувствовали, насколько, любя их, грешили. Ибо они пострадали настолько, насколько подвергли сами себя скорбям, как сказано об этом в вышеупомянутых словах апостола. Им нужно было прибавить урок опыта, так как они долго пренебрегали уроком словесным. Ибо, когда апостол говорил: «А желающие обогащаться впадают в искушение и т. д.» (1 Тим. 6, 9), то осуждал, конечно, пристрастие к богатству, а не само богатство, потому что в другом месте он дает такое повеление: «Богатых в настоящем веке увещивай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения: чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим. 6, 17–19).

Кто употреблял свое богатство так, те ничтожные убытки

свои покрыли великими прибылями; и были более обрадованы тем, что, охотно раздавая, вернее сохранили, чем опечалены тем, что, боязливо сберегая, легче потеряли. То могло погибнуть на земле, что было жаль на земле передавать. Приняв же совет Господа своего, говорящего: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21), они в годину бедствия на опыте убедились, как благоразумно поступили, что не пренебрегли советом правдивейшего Наставника и вернейшего и непобедимейшего Стража их сокровища. Если многие радовались, что имели богатства свои в таких местах, куда не случилось дойти неприятелю, то не тем ли вернее и беззаботнее могли радоваться они, перенеся по совету Божию свои богатства туда, куда враг вовсе не может проникнуть?

Поэтому наш Павлин, епископ Нолы, добровольно ставший из богатого беднейшим, но изобильнейшим святостью, когда варвары опустошили Нолу, задержанный ими, молился (как узнали мы потом от него самого) в сердце своем так: «Да не истязают меня, Господи, пытая, где золото и серебро: Тебе ведомо, где». Все свое он имел там, куда убеждал его скрывать и копить Тот, Кто предсказал и эти бедствия, ныне постигнувшие мир. Поэтому, кто послушал увещания Господа своего относительно того, куда и как должно соби-

рать сокровища, тот не потерял при нашествии варваров и самих земных богатств; а кому пришлось раскаяться, что не послушал, тот, если не из предшествующего указания мудрости, то из последующего опыта научился, как с подобными вещами следует поступать.

Но, говорят, некоторых и добрых-де христиан подвергли пыткам, чтобы они выдали врагам свои имущества. Но они не могли ни выдать, ни потерять того добра, которое их самих делало добрыми. А если захотели лучше подвергнуться пыткам, чем выдать маммону неправды, то не были добрыми. Потерпевшие же столько из-за золота получили урок, сколько должны они претерпевать за Христа. Они научились, что следует любить Того, Кто пострадавших за Него обогатит вечным блаженством, а не золото и серебро, страдать ради которого было глупо, скрыть которое можно было только прибегнув ко лжи, но которое приходилось выдать, если говорить правду. Ибо в пытках никто не потерял Христа через исповедание Его, а золото никто не сохранил иначе, как только через его отрицание. Поэтому пытки могли быть весьма полезны: они учили любить благо нетленное вместо тех благ, из-за любви к которым их владельцы подвергались истязаниям безо всякой для себя пользы.

Но некоторые-де говорят, даже не имевшие ничего, что могли бы выдать, были подвергнуты пыткам из-за недоверия к ним. Но не исключено, что эти желали иметь и были бедны не по своей воле. Таким следовало показать, что не имуще-

ство, а пристрастие к нему достойно таких истязаний. Если же, возлагая надежды на лучшую жизнь, они не имели здесь скрытого золота и серебра, — хотя я и не знаю, случилось ли кому-либо из таких быть подвергнутым пыткам, но если и случилось, — то несомненно, что исповедавшие в пытках святую нищету исповедали Христа. Поэтому, если кто-то из них и не заслужил у врагов доверия, он не мог, однако же, как исповедник святой нищеты, терпеть истязания без небесной награды.

Говорят также, что многие христиане были истощены долговременным голодом. Но и это добрые верные, перенося благочестиво, обратили себе на пользу. Ибо кого голод умертвил, того он освободил от зол этой жизни, как освобождает телесная болезнь; а кого не умертвил, того научил жить умереннее и подольше поститься.

Глава XI

О конце временной жизни, продолжительнее она или короче

Но (возразят нам) много христиан было и убито, много истреблено разными видами ужасных смертей. Об этом, возможно, и следует скорбеть, но ведь это – общий удел всех, которые родились для этой жизни. Я знаю одно, что не умер никто, кто рано или поздно не должен был умереть. А конец жизни один: как жизни долгой, так и короткой. Одно не лучше, а другое не хуже, или: одно не больше, а другое не меньше, коль скоро то и другое в равной мере уже не существует. И что за важность, каким видом смерти оканчивается эта жизнь, коль скоро тот, для кого она оканчивается, не вынужден будет умирать снова? А если каждому из смертных, при ежедневных случайностях этой жизни, угрожают некоторым образом бесчисленные виды смерти, пока остается неизвестным – какой именно из них постигнет его: то, скажи на милость, не лучше ли испытать один из них, умерши, чем бояться всех, продолжая жить? Знаю, что наши чувства предпочитают лучше долго жить под страхом стольких смертей, чем, умерши раз, не бояться потом ни одной. Но одно дело то, чего избегает по слабости боязливое плотское чувство, и совсем другое – то, в чем убеждает тщательно проверенное указание разума. Та смерть не должна считаться злой,

которой предшествовала жизнь добрая. Смерть делает злым только то, что следует за смертью. Поэтому, кому предстоит умереть, те не должны много заботиться о том, что именно с ними произойдет, от чего они умрут, а должны заботиться о том, куда, умирая, они вынуждены будут идти. Итак, если христианам известно, что смерть благочестивого бедняка под языками собак, лижущих его струпья, была гораздо лучше, чем смерть нечестивого богача в порфире и виссоне (Лк. 16, 19–26), то какой вред причинили эти ужасные виды смерти тем, кто жил хорошо?

Глава XII

О погребении человеческих тел, и о том, что лишение погребения христиан ничего у них не отняло

Но при такой-де массе трупов их не могли и похоронить! И этого благочестивая вера особенно не страшится, помня предсказание, что и звери, пожирающие трупы, не помешают воскресению тел, с головы которых не погибнет и волос (Лк. 21, 18). Истина не сказала бы: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10, 28), если бы будущей жизни могло принести какой-либо вред то, что вздумали бы делать враги над телами убитых. Разве что кто-нибудь будет до такой степени глуп, что станет утверждать, будто убивающих тело не следует бояться до смерти, чтобы не убили тела, а надо бояться после смерти, чтобы не запретили похоронить убитое тело. Что же, ложно то, что говорит Христос: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего сделать» (Лк. 12, 4), коль скоро убийцы могут что-нибудь сотворить с трупом? Да не будет: сказанное Истиной не может быть ложью. Так сказано потому, что в живом теле, т. е. до его убийства, есть чувства; после же убийства в теле никаких чувств нет.

Итак, земле не были преданы многие тела христиан, но из-за этого никто не отлучит их от неба и земли, которые наполняет своим присутствием Тот, Кто знает, откуда вос-

кресить сотворенное Им. Правда, в псалме говорится: «Трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих – зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их» (Пс. 78, 2–3), но говорится это для того, чтобы подчеркнуть жестокость сотворивших это, а не для того, чтобы увеличить жалость к потерпевшим. Хотя в глазах людей все это и кажется чем-то ужасным, но «дорога в очах Господних смерть святых Его» (Пс. 115, 6). Поэтому все такое: омытие и наряжение тела, обряд похорон, пышность проводов, – все это скорее утешение живых, чем помощь умершим. Если бы дорогостоящее погребение могло принести пользу нечестивому при жизни покойнику, то бедное или вообще никакое погребение могло бы повредить праведнику. Но мы помним: облеченному в пурпур богачу многочисленная челядь его сделала, по суждению толпы, пышные проводы, а, между тем, на взгляд Господа, гораздо лучшие были сделаны покрытому язвами бедняку служением ангелов, которые выносили его не в мраморный склеп, а перенесли на лоно Авраамово.

Те, от нападков которых мы вознамерились защищать град Божий, смеются над этим. Но ведь и их собственные философы пренебрегали заботами о погребении. Нередко и целые войска, умирая за земное свое отечество, не заботились о том, где они будут лежать потом или каким зверям послужат пищей. И поэты весьма часто отзывались о таких с похвалой:

Тем, кто не в урнах лежит, небосвод весь – надгробье¹⁰.

Насколько же меньше у них оснований смеяться над погребением тел христиан, которым обещано со временем не только преобразование из земли их плоти со всеми ее членами, но и возвращение и восстановление их из лона других стихий, в которые обратились разложившиеся трупы!

¹⁰ Lucan. In VII *de Occisis*.

Глава XIII

Какая причина погребения тел святых

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, будто телами умерших нужно пренебрегать, оставляя их где придется, особенно если речь идет о телах праведников, которые были как бы сосудами Духа Святого, предназначенными для всяких добрых дел. Если отцовские одежды, кольца и иные какие-то вещи тем дороже детям, чем сильнее они любили его, то тем более не должны презираться и тела, бывшие, конечно, куда ближе и дороже покойным, нежели их одежды. Они ведь – не предметы роскоши или вещи, созданные для удобства, но принадлежат самой человеческой природе. Поэтому в том, как омываются и обряжаются тела праведников, как совершаются их торжественные выносы, сколь заботливо обставляются погребения, следует усматривать не что иное, как исполнение долга любви. Иные из них и при жизни давали распоряжения сыновьям относительно погребения и даже перенесения их тел (Быт. 47, 30, 50, 2,25). И Товия, как свидетельствует о том ангел, заслужил благоволение Божие погребением мертвых (Тов. 12, 12). Да и сам Господь, который должен был воскреснуть на третий день, называет добрым поступок благочестивой женщины, возлившей на члены Его драгоценное миро, тем подготовив Его к погребению

(Мф. 26, 10). Также с похвалой упоминаются в Евангелии те, которые позаботились снять с креста, с честью покрыть и похоронить тело Его (Ин. 19, 38 и след.).

Все эти свидетельства не дают, конечно, указаний на то, что трупам присущи какие бы то ни было чувства, но показывают, что провидение Божие, которому угодны дела благочестия, печется и о телах умерших ради укрепления веры в воскресение. Из этих же свидетельств душеспасительно усматривается и то, как велико может быть воздаяние за милостыни, которые мы оказываем живым и чувствующим, если пред Богом не погибнет и то, что оказывается по долгу и любви безжизненным человеческим телам.

Есть, впрочем, и нечто иное, что желали дать уразуметь святые патриархи своими изречениями и пророчествами относительно погребения и перенесения своих тел. Но останавливаться на рассмотрении этого сейчас неуместно: достаточно и сказанного. Но если даже отсутствие таких необходимых для поддержания жизни вещей, как пища и одежда, хотя и причиняет страдания, но не уничтожает в добрых силы терпеть и переносить лишения и не вырывает из душ их благочестия, а, напротив, делает его еще более плодотворным, то тем более отсутствие всего того, что делается обычно при погребении, не может сделать несчастными уже упокоившихся в тайных обителях праведных. Поэтому если всех этих обрядов не было совершено над трупами христиан при известном опустошении столицы или других городов, то это

и не вина живых, которые сделать этого не могли, и не наказание для мертвых, которые лишены уже всяческих чувств.

Глава XIV

О пленении святых, которые никогда не имели недостатка в божественных утешениях

Но многие христиане, говорят они, были уведены в плен. Действительно, было бы большим несчастьем, если бы они были уведены в какое-нибудь такое место, где не могли бы найти Господа своего! На случай же плена есть в Святых Писаниях наших великие утешения. Были в плену три отрока, был Даниил, были и другие пророки, и всегда с ними был Бог-утешитель. Не оставит верных Своих под господством народа, варварского, но человеколюбивого, Тот, Кто не оставил пророка Своего даже во чреве китовом. Те, которым мы говорим это, расположены скорее смеяться над этим, чем верить. Однако же в своих сочинениях они верят, что Орион Метимней, благороднейший игрок на цитре, когда был сброшен за борт корабля, был принят на спину дельфином и вынесен им на землю. Но наше-де сказание о пророке Ионе невероятней! Действительно, невероятней, ибо чудесней; а чудеснее потому, что говорит оно о большем могуществе.

Глава XV

О Регуле, представляющем собою пример того, что плен должен быть переносим даже добровольно ради религии; хотя такой плен и не мог принести пользы этому читателю богов

В истории своих знаменитых мужей они имеют благороднейший пример того, что ради веры следует переносить плен даже добровольно. Марк Аттилий Регул, полководец римского народа, был в плену у карфагенян. Последние, желая обменять этих пленных на соотечественников, взятых в плен римлянами, послали с этим предложением в Рим своих послов в сопровождении Регула, предварительно взяв с него клятву возвратиться в Карфаген, если он не добьется исполнения их желания. Он поехал, но в сенате настоял на противоположном, ибо обмен пленными считал невыгодным для Римской республики. Соотечественники, убедившись в этом, не принуждали его возвращаться к врагам, но он сам добровольно исполнил то, в чем поклялся. А те умертвили его неслыханными и ужасными истязаниями: заключив его в узком деревянном пространстве, в котором он вынужден был стоять, и набив со всех сторон острейшие гвозди, чтобы он не мог прислониться, они умертвили его бессонницей. Проявленную им доблесть, конечно, хвалят заслуженно. А между тем он клялся теми богами, вследствие запре-

щения культа которых, полагают, мир поражен настоящими бедствиями. Но если их почитали для того, чтобы они сделали эту жизнь счастливой, то, пожелав или допустив подвергнуться таким казням клявшегося в истине, что более тяжкого могли они, разгневанные, сделать клятвопреступнику?

Впрочем, почему бы мне не сделать из этого двойного вывода? Он действительно чтил богов до такой степени, что ради исполнения клятвы не остался в отечестве и не ушел из него в какое-либо другое место, а, ни секунды не колеблясь, возвратился к своим жесточайшим врагам. Если он считал это полезным для настоящей жизни, которую окончил столь ужасно, то он, без всякого сомнения, ошибался. Своим собственным примером он доказал, что боги не приносят никакой пользы своим поклонникам для этого временного счастья: потому что сам он, преданный их культу, был побежден, взят в плен и за то, что не хотел поступить иначе, чем так, как им клялся, был умерщвлен истязаниями казни нового, до того времени неслыханного и до крайности ужасного рода. Если же культ богов дает счастье в виде награды после этой жизни, то зачем возводят клевету на времена христианские, утверждая, что настоящее бедствие постигло Рим потому, что он перестал почитать своих богов, если мог быть несчастным и такой усерднейший их почитатель, каким был Регул? Разве что какое-то чудовищно слепое безумие вооружится против очевиднейшей истины до такой степени, что осмелится утверждать, будто целое гражданское общество,

чтущее богов, несчастным быть не может, а один-де человек — может; т. е. что могущество богов их скорее способно охранять многих, чем отдельно взятых, хотя множество слагается из единиц.

Но они, пожалуй, скажут, что Регул и в плену, и в самих истязаниях телесных мог быть счастлив душевной добродетелью. В таком случае прежде всего следует заботиться о добродетели, которая может сделать счастливым и гражданское общество. Ведь не одним же счастливо общество, и совсем другим — человек: потому что общество есть не что иное, как соединение множества людей. Ввиду этого я не вхожу пока в рассмотрение того, какая была в Регуле добродетель. На этот раз мне достаточно, что этот благороднейший пример вынуждает их признать, что богов следует почитать не ради телесных благ или таких вещей, которые достаются человеку извне: потому что Регул пожелал лучше лишиться всего этого, чем оскорбить богов, которыми клялся. Но что поделаешь с людьми, которые хвалятся, что имели такого гражданина, каким бояться иметь целое гражданское общество? Ведь если бы они не боялись, они согласились бы, что то, что случилось с Регулом, могло случиться и с государством, так же как и Регул, усердно почитающим богов, и не возводили бы хулу на христианские времена. Но так как вопрос поднят о тех христианах, которые уведены в плен, то бесстыдно и бессмысленно смеющиеся над спасительной религией пусть умолкнут, обратив внимание на следующее:

если их богам не было стыдно, что усерднейший их почитатель, сохраняя верность данной им клятве, потерял отечество, не имея другого, и в плену у врагов принял мучительную смерть от вновь изобретенной жестокой казни, то тем менее следует ставить в вину христианству плен его святых, которые, с нелживой верой ожидая вышней отчизны, признают себя странниками даже в постоянных местах своего жительства.

Глава XVI

*Может ли душевная добродетель скверниться
насилиями, которым подвергались в плену святые
девственницы без их на то соизволения*

Думают, что укоряют христиан в великом преступлении, когда, преувеличивая бедствия плена, присоединяют и то, что были насильственно осквернены не только чужие жены и незамужние девицы, но и некоторые монахини. На самом же деле этим ставится в щекотливое положение не вера, не благочестие и не та добродетель, которая называется целомудрием, а само рассуждение наше, имеющее перед собою, с одной стороны, стыдливость, с другой – разум. И мы заботимся в этом случае не столько о том, чтобы дать ответ чужим, сколько о том, чтобы доставить утешение своим. Можно, конечно, прежде всего признать несомненным и доказанным, что добродетель, которая делает жизнь справедливой, поведует телесными членами, сама пребывая в душе, и что тело бывает свято от руководства им святой волей, при неизменности и твердости которой, что бы кто другой ни сделал с телом или в теле, будет вне вины потерпевшего, если избежать того он не мог без греха со своей стороны. Но так как над чужим телом можно совершить не только такое, что причиняет болезнь, но и такое, что относится к сладострастному наслаждению, то, когда что-нибудь подобное бывает сделано, оно

хотя и не уничтожает целомудрия, удерживаемого твердым постоянством души, но потрясает чувство стыдливости; могут ведь подумать, что случилось не без некоторого соизволения мысли такое, что, быть может, и не могло совершиться без некоторого плотского удовольствия.

Глава XVII

О добровольной смерти из опасения наказания или бесчестия

Поэтому какое человеческое чувство откажется извинить тех, которые убивали себя, чтобы не претерпеть чего-либо в этом роде? Но если некоторые не захотели убить себя для того, чтобы своим преступлением избежать чужого над собой злодейства, то тот, кто поставил бы им это в вину, не избежал бы сам обвинения в неразумности. Ведь если вообще не позволительно частному лицу своею властью убивать человека, хотя бы и совершающего преступления (никакой закон не дает права на подобное убийство), то и убивающий самого себя, несомненно, человекоубийца; и когда убивает себя, бывает тем преступнее, чем он невиннее в том деле, из-за которого считает нужным убить себя. Мы по справедливости гнушаемся поступком Иуды, и по суду истины он скорее увеличил, чем искупил преступление своего злодейского предательства тем, что удавился: потому что, отчаиваясь в Божьем милосердии, он в чувстве пагубного раскаяния не оставил себе никакого места для спасительного покаяния. Но не тем ли более должен воздерживаться от самоубийства тот, кто не имеет в себе ничего, что заслуживало бы подобного наказания? Когда убил себя Иуда, он убил человека, запятнанного злодейством, и все же окончил эту жизнь как ви-

новный не только в смерти Христа, но и в своей собственной, потому что был убит хотя и за свое злодейство, но посредством своего же другого злодеяния. С какой же стати человеку, который не сделал никакого зла, совершать злодеяние над самим собою и, убивая себя, убивать человека невинного единственно для того, чтобы не допустить другого стать виновным? Зачем совершать над собою грех самому только для того, чтобы над нами не был совершен грех чужой?

Глава XVIII

*О чужом насильственном сладострастии, которое
вынуждена бывает терпеть в обессиленном теле душа*

Не из опасения ли, чтобы не осквернило чужое сладострастие? Не осквернит оно, если будет чужое; а если осквернит, то не будет чужое. Если целомудрие составляет душевную добродетель и имеет спутником своим мужество, которое ставит своим правилом скорее переносить какое бы то ни было зло, чем злу сочувствовать; и если никто мужественный и целомудренный не имеет в своей власти того, что делается над его телом, а имеет лишь то, что соизволяет или что отрицает своею мыслью, то кто, сохраняя ту же чистоту мысли, сочтет себя потерявшим целомудрие, если случится, что над его плотью, лишенной свободы и обессиленной, станет упражняться и искать для себя удовлетворения не его сладострастие? Если бы целомудрие погибало таким образом, целомудрие отнюдь не было бы душевной добродетелью и не относилось бы к тем благам, из которых слагается добрая жизнь, а считалось бы одним из благ телесных, каковы: сила, красота, крепкое и неповрежденное здоровье и прочие такого же рода. Подобные блага, если и подвергаются убыли, несколько не убавляют доброй и справедливой жизни. Если целомудрие есть нечто такое же, то зачем, чтобы не потерять его, хлопотать из-за него даже с риском для жизни?

А если оно есть благо душевное, то его нельзя лишиться и в том случае, если тело будет обессилено. Напротив, благо святого воздержания, коль скоро оно не поддается нечистоте плотских желаний, освящает и само тело; и потому, когда продолжает не поддаваться им с неизменным постоянством, святость не отнимается и у самого тела; ибо остается расположение воли пользоваться им свято, остается даже, насколько от него зависит, и возможность этого.

Не тем свято тело, что не повреждены члены его, и не тем, что не загрязнены они никакими прикосновениями. Они могут подвергаться насильственным повреждениям в разных случаях; а бывает, что и врачи, стараясь восстановить здоровье, делают над нами такое, что кажется на первый взгляд ужасным. Повивальная бабка, производя рукою исследование невинности одной девицы, по злumu ли умыслу, или по невежеству, или по случайности, уничтожила во время осмотра целость ее. Не думаю, чтобы кто-нибудь был настолько глуп, что подумал бы, будто девица потеряла что-нибудь даже в смысле святости самого тела, хотя целость известного члена и была погублена. Поэтому, пока остается неизменным душевный обет, благодаря которому получило освящение и тело, насилие чужого сладострастия и у самого тела не отнимает святости, которую сохраняет твердая решимость воздержания. И наоборот, если какая-нибудь поврежденная умом женщина, нарушив обет, который дала Богу, льнет ради преступления к своему обольстителю, — ска-

жем ли мы, что она продолжает быть святою телом, коль скоро она потеряла и уничтожила ту душевную святость, которою святится и тело? Сохрани нас Бог от такого заблуждения; лучше убедимся на примере этого, что при сохранении святости душевной не теряется и святость телесная, хотя бы тело и претерпело насилие; при нарушении же святости душевной теряется и святость телесная, хотя бы тело оставалось неприкосновенным. Поэтому женщина, безо всякого со своей стороны соизволения насильственно схваченная и обращенная в орудие чужого греха, не имеет в себе ничего, что могла бы наказывать добровольною смертью. А еще менее имеет это прежде, чем такое с нею случится; в последнем случае она совершила бы верное человекоубийство в то время, когда злодейство, притом чужое, еще оставалось под сомнением.

Глава XIX

О Лукреции, убившей себя по причине нанесенного ей бесчестия

Когда мы говорим, что в случае совершенного над телом насилия, если обет чистоты не нарушается никаким желанием зла, злодеяние совершается только тем, кто насилует, а не тою, которая, подвергшись насилию, ничем при этом не содействует насильнику, — этому совершенно ясному положению, возможно, дерзнут противоречить те, против которых мы защищаем не только помыслы христианок, подвергшихся в плену насилию, но и саму святость их тел? Действительно, они всячески превозносят целомудрие Лукреции, благородной древнеримской матроны. Когда сын царя Тарквиния совершил насилие над ее телом, удовлетворив этим свое сладострастие, она объявила о злодействе развратного юноши супругу своему Каллатину и родственнику Бруту, мужам храбрым и знаменитым, и призвала их к мести. А потом, страдая душою и не будучи в силах перенести позора, умертвила себя. Что мы скажем на это? Считать ли ее виновною в прелюбодеянии или целомудренной? Кто стал бы спорить об этом? Некто совершенно справедливо заметил по этому поводу: «Удивительно, было их двое, но прелюбодействовал один!» Видя в совокуплении этих двух сквернейшее сладострастие и волю только одного из них и принимая во вни-

мание не то, что делалось совокуплением членов, а то, что происходило от различия душ, он говорит: «Было их двое, но прелюбодействовал один».

Но почему же более жестокое наказание постигает ту, которая прелюбодеяния не совершила? Ведь тот вместе с отцом был только изгнан из отечества, а эта претерпела смертную казнь? Если невольно терпеть насилие – не распутство, то в чем же тогда справедливость, когда она, целомудренная, наказывается? К вам обращаюсь, законы и судьи римские. Вы и после действительно совершенного преступления не позволяете безнаказанно убивать злодея, пока он не будет осужден. Итак, если бы это преступление было передано кем-нибудь на ваш суд и вы бы нашли, что убита женщина не только не осужденная, но и чистая и невинная, – неужели вы не подвергли бы соответствующему строгому наказанию того, кто это сделал? А сделала это Лукреция, она сама, прославленная Лукреция, невинную, чистую, претерпевшую насилие Лукрецию вдобавок ко всему еще и умертвила! Произносите ваш приговор. Если не можете произнести его потому, что нет налицо того, кого вы могли бы наказать, то зачем же вы с такою похвалой отзываетесь об убийце этой невинной и чистой женщины? Перед подземными судьями, даже такими, какими изображают их в стихах ваши поэты, вы не защитите ее, конечно, никакими резонами, потому что она стоит, разумеется, в ряду тех,

Что невинными будучи,
Сами себя умертвили, прервав в одночасье
Жизни свои, ибо свет им всем стал ненавистным¹¹.

И когда у кого-либо из таких появляется желание вернуть-
ся на свет,

Судьба на него восстает, крепко держат на месте
Непроходимые волны печального моря¹².

Возможно, она совсем не там, ибо умертвила себя, хотя и будучи невинной, но чувствующей за собой преступление? Что, если она (что могло быть известно только ей самой), увлеченная сладострастием юноши, сочувствовала ему, хотя он и употребил против нее насилие; и не прощая себя за это, сокрушалась до такой степени, что полагала возможным искупить свое преступление только смертью? Хотя и в этом случае она не должна была убивать себя, если бы могла с пользой приносить покаяние перед ложными богами. Но если это действительно так, и ложно то, что их было двое, но прелюбодействовал один, а напротив – совершили прелюбодеяние оба, один с употреблением явной силы, другая – с тайным соизволением: то она убила себя не невинную. В этом случае ученые защитники ее могут сказать, что она не находится в преисподней среди тех,

¹¹ Virg. *Aeneid.*, lib. VI, v. 434–436.

¹² Ibid, v. 438–439.

Что невинными будучи,
Сами себя умертвили.

Таким образом, дело сводится к тому, что отрицанием человекоубийства утверждается прелюбодеяние, а оправданием в прелюбодеянии возводится обвинение в человекоубийстве. Выхода решительно нет, коль скоро вопрос ставится так: «Если она прелюбодействовала, то за что ее хвалят; а если осталась целомудренной, то за что она убита?»

Но для нас при опровержении тех, которые, будучи чуждыми всякого помышления о святости, смеются над христианскими женщинами, потерпевшими в плену насилие, — для нас в примере этой благородной женщины достаточно и того, что так прекрасно сказано в ее похвалу: «Было их двое, но прелюбодействовал один». Ведь именно так обычно представляют себе Лукрецию: что она не могла осквернить себя никаким соучастием в прелюбодеянии. А что она, и не совершив прелюбодеяния, убила себя за то, что сделалась орудием прелюбодеяния, в этом выразилась не любовь к целомудрию, а болезненное чувство стыдливости. Стыдно ей было, что над нею совершилось чужое непотребство, хотя и без ее участия; и римская женщина, до крайности жаждавшая доброго о себе мнения, побоялась, чтобы о ней не подумали, будто бы то, что она претерпела через насилие, она претерпела добровольно. И вот, не будучи в состоянии пока-

зять людям своей совести, она решила представить их глазам эту казнь, как свидетеля своих помыслов. Она краснела при мысли, что ее могут счесть сообщницей проступка, если она терпеливо снесет то, что сделал над нею другой.

Этого не сделали христианские женщины, которые, снеся подобное, продолжают жить. Они не наказали себя за чужое преступление, чтобы к чужим злодеяниям не добавить своих; а это так бы и было, если бы по той причине, что враги, отдавшись страсти, обесчестили их, они из стыда совершили бы над собою человекоубийство. У них есть внутренняя слава целомудрия, свидетельство совести. Они имеют ее пред лицом Бога своего и не ищут большего там, где нет большего, что они могли бы сделать по совести, — не ищут, чтобы ради избежания оскорблений со стороны людской подозрительности не уклониться от предписаний божественного закона.

Глава XX

Нет ни одного авторитета, который бы давал христианам в каком-либо случае право на самоубийство

В самом деле, не случайно же в священных канонических книгах нельзя найти божественного предписания или дозволения на то, чтобы мы причиняли смерть самим себе даже ради приобретения бессмертия или ради избежания и освобождения от зла. Когда закон говорит: «Не убивай» (Исх. 20, 13), надлежит понимать, что он воспрещает и самоубийство, ибо, сказав это, он не прибавляет «ближнего твоего», подобно тому, как, воспрещая ложное свидетельство, он говорит: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20, 16). Впрочем, и тот, кто дал ложное показание против самого себя, не должен считать себя свободным от этого преступления. Потому что правило любить ближнего любящий должен как бы примерять на себя, ибо написано: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39). Если же тот, кто делает ложное показание о самом себе, виновен в лжесвидетельстве не меньше, чем если бы он дал его против ближнего (хотя в заповеди, возбраняющей ложное свидетельство, возбраняется ложное свидетельство именно против ближнего, и людям недостаточно рассудительным может показаться, что ею не воспрещается лже-

свидетельствовать против самого себя), то насколько же очевиднее выражена мысль, что человеку непозволительно убивать самого себя, коль скоро в заповеди «не убивай», к которой не сделано никакого дальнейшего добавления, никто не представляется исключением, даже и сам тот, кому это заповедуется?

Некоторые стараются распространить эту заповедь даже на животных, считая непозволительным убивать никого из них. Но в таком случае почему не распространять ее и на травы, и на все, что только питается и произрастает из земли? Ведь и этого рода предметы, хотя и не обладают чувствами, называются живыми, а потому могут умирать, – могут, следовательно, быть и убиты, коль скоро употребляется по отношению к ним насилие. Поэтому апостол, говоря о семенах их, пишет: «То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15, 36). И в псалме написано: «Уби градом винограды их» (Пс. 77, 47).

Неужели же, слыша заповедь «не убивай», мы станем считать преступлением выкорчевывание куста и согласимся с заблуждениями манихеев? Итак, если мы, отвергнув эти бредни, читая заповедь: «Не убивай», согласимся, что в ней идет речь не о растениях, ибо ни одно из них не обладает чувствами, и не о неразумных животных, летающих, плавающих, ходящих или ползающих, ибо они не могут входить в общение с нами по разуму, который им не дано иметь наравне с нами, почему их жизнь и смерть, по правосуднейшему

распоряжению Творца, служат к нашей пользе, то заповедь «не убивай» остается понимать в приложении к человеку: не убивай ни другого, ни самого себя. Ибо кто убивает себя, убивает именно человека.

Глава XXI

Об умерщвлении людей, которое не относится к преступлению человекоубийства

Впрочем, тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью. И Авраам не только не укоряется в жестокости, а напротив, восхваляется за благочестие потому, что хотел убить сына своего не как злодей, а повинаясь воле Божией (Быт. 22). Справедливо также ставится вопрос, не следует ли считать божественным повелением то, что Иеффай убил вышедшую ему навстречу дочь, так как он дал обет принести в жертву Богу то, что первым выйдет ему навстречу из ворот дома его, когда он будет возвращаться победителем с войны (Суд. 11). И Самсон оправдывается в том, что похоронил себя с гостями под развалинами дома именно потому, что сделать так пове-

лел ему тайно Дух, который творил через него чудеса (Суд. 16). Итак, за исключением тех, кому повелевает убивать или правосудный закон, или непосредственно сам Бог, источник правосудия, всякий, кто убивает себя ли самого, или кого иного, становится повинным в человекоубийстве.

Глава XXII

Добровольная смерть ни в каком случае не может относиться к величию души

И если совершившие это над самими собой могут порою вызывать удивление величию своего духа, то их никак нельзя при этом похвалить за благоразумие. Хотя, если всмотреться в дело внимательнее, окажется, что и величие духа не стоит усматривать в том, когда кто-либо убивает себя лишь потому, что не в состоянии перенести или какие-нибудь житейские трудности, или чужие грехи. В самом деле, если наиболее слабым считается тот ум, который бывает не в силах перенести или грубого рабства, которому подвергается его тело, или невежественного мнения толпы, то наиболее великим по справедливости должен быть назван тот дух, который в состоянии скорее вынести бедственную жизнь, чем бежать от нее, и который, пребывая в чистоте и безупречности совести, презирает людское мнение, в особенности же мнение толпы, как правило, превратное. Поэтому если бы величие духа можно было усмотреть в том, что человек причиняет смерть самому себе, то это величие прежде всего было бы видно в Клеомброте; говорят, что, прочитав сочинение Платона, в котором рассуждается о бессмертии души, он бросился со стены и таким образом перешел из этой жизни в ту, которую счел лучшей. В самом деле, его не удручало ни

что-либо бедственное, ни преступное, истинное или ложное, чего он не мог бы перенести и потому вынужден был себя умертвить; но в принятии им смерти и в разрушении сладких оков настоящей жизни проявилось только величие его духа. Тем не менее о том, что поступок его был скорее великим, чем добрым, свидетельствует сам Платон, которого он читал: вне всякого сомнения, Платон сам или поступил бы таким же образом, или, по крайней мере, предписал бы поступать так, если бы не придерживался того мнения, что с точки зрения ума, созерцающего бессмертие души, так делать не следует, и даже более того, следует воспрещать подобное.

Говорят, что многие-де умерщвляли себя, чтобы не попасть в руки врагов. Но мы рассуждаем не о том, почему это делалось, а о том, следует ли так делать. Ибо здравый разум предпочтительнее сотни примеров. Впрочем, с ним согласны и примеры, но только такие, которые куда более достойны подражания, ибо выше по благочестию. Не делали так ни патриархи, ни пророки, ни апостолы. И сам Христос, Господь наш, заповедуя апостолам в случае гонения на них в одном городе бежать в другой (Мф. 10, 23), мог повелеть, чтобы они предавали себя смерти, дабы не попасть в руки преследователей. Но так как Он не заповедовал, чтобы таким образом переселялись к Нему из этой жизни те, коим Он обещал обители вечные (Ин. 14, 2), то какие бы примеры люди, не верующие в Бога, нам ни противопоставляли, ясно, что чтущим единого истинного Бога делать так непозволи-

тельно.

Глава XXIII

Как смотреть на пример Катона, который умертвил себя, не перенося победы Цезаря

Впрочем, и им, кроме Лукреции, о которой, как кажется, выше мы сказали достаточно, нелегко указать на человека, авторитет которого предписывал бы (самоубийство), за исключением разве умертвившего себя в Утике Катона; это не потому, что он один поступил так, а потому, что считался человеком мудрым и добрым настолько, что были все основания думать: такой человек не мог поступить неправильно. Что прежде всего сказать о его поступке, как не то, что его друзья, среди которых было немало людей ученых, благоразумно уговаривали его не делать этого, считая его поступок проявлением духа скорее слабого, чем сильного, ибо он являл собою не столько утверждение чести, избегающей бесчестного, а слабость, не способную перенести несчастье. Это доказал и сам Катон на примере своего любимого сына. Ведь если было бесчестьем жить под властью победившего Цезаря, то зачем отец сделал соучастником этого бесчестия сына, внушив ему положиться во всем на благосклонность Цезаря? Почему он не принудил и его умереть вместе с собою?

Если Торкват поступил похвально, умертвив сына, который, вопреки приказу, сразился с неприятелем и даже победил его, то почему же побежденный Катон, не пощадив се-

бя, пощадил побежденного сына? Ужели быть победителем, вопреки распоряжению, более бесчестно, чем терпеть победившего неприятеля? Таким образом, Катон отнюдь не считал бесчестным жить под властью победившего Цезаря; иначе он освободил бы своего сына от этого бесчестия отцовским мечом. Итак, что же значит его поступок, как не то, что насколько он любил сына, пощады которому он желал и ждал от Цезаря, настолько же завидовал славе самого Цезаря, опасаясь, чтобы тот не пощадил и его самого, как сказал об этом, говорят, сам Цезарь; или же (чтобы сказать более снисходительно) он стыдился этой славы.

Глава XXIV

*Тою добродетелью, которою превзошел Катона
Регул, гораздо более превосходят христиане*

Те, против кого направлена наша речь, не хотят, чтобы мы Катону предпочитали праведного мужа Иова, который счел лучшим смиренно терпеть столь ужасные страдания, чем разом избавиться от них, приняв насильственную смерть, или других святых, о которых говорят наши облеченные высшим авторитетом и заслуживающие абсолютного доверия священные книги, — которые мужественно сносили плен и владычество врагов и не кончали жизнь самоубийством. Из тех же мужей, которые описаны в их творениях, этому самому Марку Катону мы предпочитаем Марка Регула. Катон никогда не побеждал Цезаря, которому не захотел покориться, и, чтобы не покориться, решил себя умертвить. Между тем Регул побеждал карфагенян, и римскому государству как римский полководец доставил победу не над согражданами, такая победа заслуживала бы скорби, а над врагами его; но потом, побежденный ими, захотел лучше терпеть их, перенося рабство, нежели освободиться от них при помощи смерти. Поэтому, находясь под владычеством карфагенян, он сохранил терпение и неизменность своей любви к Риму, оставляя свое побежденное тело врагам, а непобедимый дух — гражданам. Если он не захотел умертвить себя, то сделал

это не из любви к жизни. Это он доказал, когда ради исполнения данной им клятвы возвратился к тем же врагам, которым он гораздо более нанес вреда в сенате словами, нежели в сражении оружием. Итак, если этот до такой степени не дороживший жизнью человек предпочел лучше окончить ее среди свирепых врагов в каких угодно казнях, чем умертвить самого себя, то он, несомненно, считал самоубийство великим злодеянием.

Среди всех своих достохвальных и знаменитых мужей римляне не укажут лучшего, которого ни счастье не испортило, ибо при всех своих великих победах он остался человеком бедным, ни несчастье не сломило, ибо он бесстрашно пошел навстречу столь великим бедствиям. Если же самые знаменитые и мужественные защитники земного отечества и почитатели пускай и ложных богов, но почитатели неложные и верные блюстители своих клятв, имея право по обычаю войны убивать себя в случае поражения и при этом несколько не боясь смерти, предпочитали лучше терпеть господство победителей, чем совершать самоубийство; то насколько же более должны воздерживаться от этого злодеяния христиане, чтущие истинного Бога и вздыхающие о небесном отечестве, если божественная воля, ради ли испытания, или исправления, подвергнет их временно власти врагов, — христиане, которых в этом уничижении не оставит Тот, Кто, будучи Высочайшим, явился ради них в таком уничижении, — которых притом никакие распоряжения военной власти или пра-

ва войны не принуждают убивать даже и побежденного врага? Итак, какое пагубное заблуждение заставляет человека убивать себя только потому, что против него согрешил или не согрешил враг, когда самого этого врага, уже согрешившего или еще только собирающегося согрешить, он не смеет убивать?

Глава XXV

Не следует избегать греха посредством греха

Но следует-де остерегаться и бояться, чтобы тело, сделавшееся предметом вражеского сладострастия, не вызвало в духе соизволения на грех, приманив его к этому прелестью удовольствия. Поэтому, говорят, человек должен убить себя прежде, чем кто-нибудь над ним это сделает: не по причине чужого греха, а чтобы не совершить собственный. Конечно, дух, более преданный Богу и мудрости Его, нежели телесным желаниям, никоим образом не позволит себе откликнуться на похоть своей плоти, возбужденной чужою похотью. Однако же, если очевидная истина полагает преступлением гнусным и злодеянием достойным осуждения, когда человек убивает самого себя, то кто будет настолько безумен, чтобы сказать: «Лучше согрешить теперь, дабы не согрешить после; лучше теперь совершить человекоубийство, чтобы потом не впасть, не приведи Господь, в прелюбодеяние». Если же неправда царствует до такой степени, что приходится делать выбор не между невинностью и грехом, а между грехом и грехом, то и в этом случае возможное в будущем прелюбодеяние лучше, чем несомненное убийство в настоящем. Неужто же совершить такой грех, который может быть заглажен последующим покаянием, хуже, чем со-

вершить такое злодеяние, после которого нет уже места спасительному покаянию?

Говорю это для тех мужчин и женщин, по мнению которых следует предавать себя насильственной смерти, чтобы избежать не чужого, а своего собственного греха из опасения, как бы под влиянием похоти другого не предаться похоти собственной плоти. Впрочем, не думаю, чтобы христианский ум, который верует Господу своему и, возложив на Него свое упование, надеется на Его помощь, – не думаю, говорю, чтобы такой ум на удовольствия своей или чужой плоти откликался непристойным соизволением. А если то непослушание похоти, которое обитает в смертных членах, движется помимо закона нашей воли, как бы по своему собственному закону, то, будучи извинительным в теле спящего человека, не гораздо ли более извинительно оно в теле не откликающегося на него соизволением?

Глава XXVI

*Как надобно смотреть на дела, которые совершить
непозволительно, когда оказывается, что они были
совершаемы святыми*

Но, говорят, многие святые женщины, избегая во время гонений преследователей своего целомудрия, бросались в реку с тем, чтобы она унесла их и утопила; и хотя они умирали таким образом, их мученичество, однако, весьма почитается кафолической¹³ церковью. Не осмеливаюсь судить об этом необдуманно. Веление ли то божественного авторитета, чтобы церковь чтит подобным образом их память, не знаю; может быть – и так. Что, если женщины эти поступили таким образом не по ошибке, а во имя исполнения божественного повеления, не заблуждаясь, а повинуюсь, подобно тому, как должны мы думать о Самсоне? А когда велит Бог и не оставляет никаких сомнений относительно того, что Он велит, кто сочтет послушание преступлением? Кто обвинит благочестивую покорность? Но отсюда не следует, что всякий, кто решился бы принести своего сына в жертву Богу, не совершил бы преступления только потому, что подоб-

¹³ Бл. Августин (354–430) жил до разделения церквей (1054), поэтому здесь и далее под названием «кафолическая» («католическая») подразумевает единую вселенскую христианскую церковь (греч. καθ – по, ὅλη – целая, ὀικουμενή – вселенная, καθολικός – с точки зрения Православной церкви «вселенский»).

ным образом поступил и Авраам. Ибо и солдат, когда убивает человека, повинувшись поставленной над ним законной власти, не становится по законам своего государства виновным в убийстве; напротив, если бы он не сделал этого, был бы виновен вслушании и пренебрежении властью. Но если бы он сделал это самовольно, то совершил бы преступление. Таким образом, в одном случае он будет наказан за то, что совершил это без приказа, в другом – за то, что не совершил того же, получив приказ совершить. А если бывает так, когда приказывает полководец, то во сколько раз больше должно быть так, когда велит Творец?

Итак, кто слышит, что убивать себя непозволительно, пусть убивает, коль скоро ему повелел Тот, приказаний Которого нельзя не исполнять, пусть смотрит только, действительно ли имеет он на это несомненное божественное повеление. Мы судим о совести на основании того, что слышим; права судить о сокровенном совести на себя не берем. «Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» (1 Кор. 2, 11). Мы одно говорим, одно утверждаем, одно всячески доказываем: что самовольно никто не должен причинять себе смерти ни для избежания временной скорби, потому что иначе подвергается скорби вечной; ни из-за чужих грехов, потому что иначе, не оскверненный еще чужим грехом, он совершит собственный, причем самый тяжкий грех; ни из-за своих прежних грехов, ради которых настоящая жизнь особенно необходима, чтобы мож-

но было исцелить их покаянием; ни из-за желания лучшей жизни, приобрести которую надеется после смерти: потому что для виновных в собственной смерти нет лучшей жизни и после смерти.

Глава XXVII

Следует ли прибегать к самоубийству во избежание греха

Остается еще один повод, – о нем я уже сказал пару слов, – по которому считается полезным, чтобы каждый лишал себя жизни, а именно: опасение, как бы не впасть в грех под влиянием или обольстительного сладострастия, или невыносимо тяжелой скорби. Но если допустить этот повод, то при дальнейшем рассуждении он приведет к тому, что людям следует советовать убивать себя в то время, когда они, будучи омыты банею возрождения, получают отпущение всех своих грехов. Именно тогда – самое время страшиться будущих грехов, ибо все прежние прощены. Если добровольная смерть – дело хорошее, то почему ей не случиться именно тогда? Зачем, в таком случае, продолжать жить крестившемуся? Зачем оправданному подвергать себя снова стольким опасностям этой жизни, когда он имеет возможность избежать их путем самоубийства, тем более что известно: «кто любит опасность, тот впадет в нее» (Сир. 3, 25)? Зачем же любить, или, если не любить, то по крайней мере рисковать подвергнуться стольким и таким опасностям, продолжая эту жизнь, когда позволительно прекратить ее? Или же бессмысленный разврат до такой степени испортил сердца и до такой степени лишил их чувства истины, что в ту пору, когда каж-

дый должен был бы убить себя из опасения, как бы ему не впасть в грех, этот самый каждый тем не менее думает, что ему следует жить, чтобы переносить этот мир, полный еже-часных испытаний, без которых не проходит ни одна христианская жизнь? Итак, зачем же мы тратим время на увещания, посредством которых стараемся расположить крестившихся или к девственной чистоте, или к вдовствующему воздержанию, или даже к верности супружеского ложа, коль скоро у нас есть лучшие и устраняющие всякую опасность греха средства: ведь мы могли бы привести к Господу более чистыми и более здоровыми всех, кого только смогли бы убедить подвергнуть себя добровольной смерти вслед за только что полученным прощением грехов!

Но если бы кто-нибудь действительно полагал, что именно так и следует поступать, я назвал бы такого даже не глупым, а помешанным. Сколько, в самом деле, нужно бесстыдства, чтобы сказать человеку: «Умертви себя, чтобы, живя под властью распущенного варвара, не присоединить тебе к своим малым грехам грехов тягчайших». Кто иначе, как только с самой преступной мыслью, может сказать: «Умертви себя, чтобы по разрешении всех твоих грехов ты не совершил таких же или еще худших, если останешься жить в мире, в котором обольщает столько нечистых удовольствий, неистовствует столько возмутительных жестокостей, бытует столько заблуждений и ужасов». Если так сказать – преступно, то преступно, конечно, и убивать себя. Ибо если бы мог-

ла быть какая-нибудь законная причина убивать себя добровольно, то, во всяком случае, она была бы не законнее той, которую мы сейчас разбираем. Но поелику эта последняя таковую не является, то, значит, никакой законной нет вообще.

Глава XXVIII

*Почему Бог попустил сладострастию врагов
совершить грех над телами воздержниц*

Итак, верные Христовы, пусть ваша жизнь не будет вам в тягость, если ваша непорочность подверглась поруганию врагов. Если совесть ваша чиста, вы имеете великое и истинное утешение в том, что у вас не было соизволения на грех тех, которым было дозволено согрешить над вами. А если спросите, почему дозволено, то знайте, что есть некое высшее провидение Творца и Промыслителя мира, и «непостижимы судьбы Его, и неисследимы пути Его» (Рим. 11, 33). Тем не менее спросите чистосердечно вашу душу, не слишком ли возгордились вы благом вашей чистоты, воздержания или целомудрия и, увлекшись человеческими похвалами, не позавидовали ли некоторым даже и в этом? Не обвиняю в том, чего не знаю, и не слышу, что на ваш вопрос отвечают вам сердца ваши. Однако если бы они ответили, что это так, то не удивляйтесь, что вы утратили то, чем думали нравиться людям, и остались при том, чего людям показать нельзя. Если желания грешить у вас не было, в таком случае вам была ниспослана божественная помощь, чтобы вы не утратили божественной благодати; но вы подверглись человеческому поруганию, чтобы не любили человеческой славы. Утешьтесь, малодушные, и тем и другим: в од-

ном испытанные, от другого очищенные; в том оправданные, в этом исправленные. Те же из вас, сердца которых ответят, что они никогда не превозносились благом или девства, или вдовства, или супружеской верности, но «последовали смиренным» (Рим. 12, 16); дару Божию радовались со страхом, не завидовали чьему-либо превосходству в той же чистоте и святости, но, презирая человеческую похвалу, обыкновенно тем более расточаемую, чем менее желают того, что заслуживает похвалы, — и те, которые таковы, если подверглись насилию варварского сладострастия, пусть не нарекают на то, что так дозволено; пусть не думают, что Бог не придает этому значения, если дозволяет такое, чего никто не делает безнаказанно.

Есть, так сказать, своего рода грузы злых вожелений, которые нынешним тайным божественным судом оставляются безнаказанными и откладываются до суда последнего, явного. Но весьма возможно, что такие, хорошо сознающие, что их сердца никогда надменно не превозносились благом чистоты, и тем не менее испытавшие на своей плоти враждебное насилие, имели некоторую тайную сладость, которая могла бы перейти в горделивое высокомерие, если бы они при опустошении Рима избежали этого унижения. И вот, как некоторые восхищаются смертью, чтобы «злоба не изменила разума» их (Прем. 4, 11), так и у этих похищается нечто насилием, чтобы их смирения не изменило счастье. Таким образом, и те и другие, и уже гордившиеся, что не испытали

ничьего постыдного прикосновения к своей плоти, и те, которые могли возгордиться, если бы не подверглись враждебному насилию, — и те и другие не чистоты лишились, а научились смирению; первые освободились от уже существовавшей гордости, последние — от гордости угрожавшей.

Впрочем, не следует обойти молчанием и того, что некоторым из потерпевших могло казаться, что благо воздержания — это благо телесное, и что оно остается только в том случае, если тело не испытывает прикосновения ничьей похоти, а не заключается единственно в силе воли, подкрепляемой божественной помощью так, чтобы святыми были вместе и тело, и дух, будучи при этом таким благом, которое может быть утрачено именно из-за вожделения духа. Возможно, что исправлено это заблуждение. Ибо, принимая во внимание чувство, с каким они служили Богу, несомненно при этом веруя, что Бог служащих Ему и призывающих Его с чистой совестью никогда не мог оставить, наконец, не сомневаясь относительно того, насколько угодна Ему чистота, они должны видеть и то, что отсюда следует, а именно: что Бог никогда не дозволил бы случиться этому с Его святыми, если бы святость, которую Он сообщил им и которую Он любит в них, могла погибать подобным образом.

Глава XXIX

Что должна отвечать христианская семья неверным на укор, что Христос не освободил ее от неистовства врагов

Итак, чада высочайшего и истинного Бога имеют свое утешение – утешение неложное, состоящее в надежде не на предметы, колеблющиеся и преходящие; саму земную жизнь, в которой они воспитываются для жизни небесной, отнюдь не находят они достойной сожаления, и благами земными пользуются, как странники, не пленяясь ими; злом же или испытываются, или исправляются. Те же, которые над их испытаниями смеются, и когда случается, что кто-либо из них подвергается каким-нибудь временным несчастьям, говорят такому: «Где Бог твой?» (Пс. 41, 11), те пусть скажут сами, где их боги, когда они претерпевают такие же несчастья, ради избежания которых этих богов и почитают, или утверждают, что ради этого их следует почитать. Первые ответят: «Наш Бог присутствует везде и всюду неделимо и нигде и ни в чем не заключен; Он может тайно присутствовать и отсутствовать, не удалившись; когда Он подвергает нас несчастьям, то или заслуги испытывает, или грехи очищает и при этом готовит заранее нам вечную награду за благочестиво перенесенные нами временные несчастья. А вы кто такие, чтобы с вами стоило говорить о ваших богах, а тем более о

нашем Боге, который «страшен паче всех богов. Ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил» (Пс. 95, 4–5).

Глава XXX

В каких постыдных благополучиях желали бы утопать те, которые жалуется на христианские времена

Если бы жив был еще ваш знаменитый Сципион, бывший некогда первосвященником, которого выбрал весь сенат, когда искал самого достойного мужа для отправления фригийского культа в ужасное время пунической войны, которому вы не посмели бы, пожалуй, взглянуть и в глаза, – он сам удержал бы вас от этого бесстыдства. Ибо почему, будучи угнетаемы несчастьями, жалуетесь вы на христианские времена, как не потому, что желали бы спокойно наслаждаться своею роскошью и предаваться распущенности развращенных нравов, не тревожась ничем неприятным? Ведь не для того же желаете вы сохранения мира и изобилия богатств всякого рода, чтобы этими благами пользоваться честно, т. е. скромно, трезво, умеренно и благочестиво, а для того, чтобы изведать бесконечное разнообразие наслаждений ценою безумной расточительности, из-за чего в нравах ваших среди благополучия возникло бы такое зло, которое было бы гораздо хуже самых свирепых врагов.

А Сципион тот, ваш великий первосвященник, муж, по мнению целого сената, самый достойный, страхась подобного рода бедствий, не хотел, чтобы был разрушен Карфаген,

тогдашний соперник римского государства, и возражал Катону, требовавшему его разрушения, ибо опасался беспечности, этого извечного врага слабых душ, полагая при этом, что страх так же необходим для граждан, как опекун для сирот. И мнение его оказалось верным: история показала, что он говорил правду. Ибо когда Карфаген был разрушен, т. е. когда великая гроза римского государства была рассеяна и уничтожена, то за этим немедленно последовало столько возникших из благополучия зол, что сперва жестокими и кровавыми мятежами, потом сплетением несчастных обстоятельств и даже междоусобными войнами было произведено столько убийств, пролито столько крови, порождено столько жестокой жадности к конфискации имущества и грабежам, что те самые римляне, которые страшились при неиспорченной жизни зла от врагов, с утратою этой неиспорченности потерпели от сограждан зло гораздо худшее. И сама та страсть господствовать, которая более других пороков человеческого рода присуща была всему римскому народу, одержав победу в лице немногих сильнейших, придавила игом рабства и остальных, изнемогших от усилий и изнурения.

Глава XXXI

С какою постепенностью развращения возрастала в римлянах страсть к господствованию

Разве эта страсть успокаивалась когда-нибудь в душах в высшей степени гордых, пока непрерывным рядом почестей не достигала царской власти? Но этого непрерывного перехода к новым и новым почестям не существовало бы, если бы честолюбие не перевешивало всего. Честолюбие же перевешивает только в народе, испорченном сребролюбием и роскошью. А сребролюбивым и склонным к роскоши народ стал вследствие того благополучия, которое Сципион весьма предусмотрительно считал опасным, когда не хотел, чтобы разрушен был весьма обширный, укрепленный и богатый неприятельский город, чтобы похоть обуздывалась страхом, и, обузданная, не развивала роскоши, и с устранением роскоши не появлялось сребролюбия; при устранении этих пороков процветала бы и возрастала полезная для государства добродетель и существовала бы сообразная с добродетелью свобода.

Исходя из той же предусмотрительной любви к отечеству, этот великий ваш первосвященник, единогласно избранный сенатом того времени, как наилучший из мужей, удержал сенат, когда тот хотел построить театральный партер, и своей строгой речью убедил не дозволять греческой роскоши про-

никать в мужественные нравы отечества и не сочувствовать чужеземной распущенности, которая привела бы к расслаблению и упадку доблести римской. Авторитет его был настолько велик, что сенат, воодушевленный его словами, запретил с тех пор даже ставить скамьи, которыми граждане начали было пользоваться в театре, внося их на время представлений. С каким бы усердием изгнал он из Рима и сами театральные зрелища, если бы осмелился воспротивиться тем, кого считал богами! Но он еще не понимал, что боги эти — демоны, или же, если и понимал, то думал, что их надобно скорее умиловать, чем презирать. В то время не было еще открыто язычникам небесное учение, которое, очищая сердце к исканию небесных и пренебесных предметов, изменило бы страстные движения человеческого чувства в смиренное благочестие и освободило бы от господства гордых демонов.

Глава XXXII

Об учреждении театральных представлений

Да, вы, еще не знающие или делающие вид, что не знаете, найдите, и ропщущие на Освободителя от таких господ, имейте в виду, что сценические игры, непотребные зрелища и суетные разгулы учреждены в Риме не благодаря порокам людей, а по велению ваших богов. Лучше бы вы воздавали божеские почести Сципиону, чем почитали подобного рода богов; ибо эти боги были куда хуже своего первосвященника. Если только ум ваш, так долго упивавшийся заблуждениями, может позволить вам понять что-нибудь здраво, обратите внимание на следующее. Боги, для прекращения телесной заразы, повелели давать им сценические игры; между тем как Сципион, для устранения заразы душевной, заперещал строить и саму сцену. Если у вас достанет здравого смысла предпочесть душу телу, то вы сами поймете, кого скорее следует почитать. Ведь и та телесная зараза прекратилась не потому, что в воинственный и привыкший только к цирковым играм народ проникло утонченное безумие сценических игр; но лукавство злых духов, предвидя, что эта зараза прекратится в определенный срок сама собою, постаралось по этому поводу напустить – и на этот раз уже не на тела, а на нравы – другую заразу, гораздо худшую, которою

оно тешится более всего. Эта последняя ослепила бедные души таким мраком, довела их до такого безобразия, что (нашим потомкам это, пожалуй, покажется невероятным) в то время, как Рим был опустошен, те, которыми она овладела и которые, бежав из него, успели достигнуть Карфагена, ежедневно в театрах исступленно соперничали друг с другом в качестве комедиантов.

Глава XXXIII

О пороках римлян, которых не исправило разорение отечества

Умы безумные! Что же это за такое, не заблуждение, а сумасбродство, что вы в то время, как восточные народы, как мы слышали, оплакивают ваше бедствие, и величайшие города отдаленнейших стран налагают на себя публичный траур, — вы заняты театрами, ходите в них и предаетесь гораздо большему безумию, чем прежде? Этой-то душевной язвы и заразы, этой-то потери в вас совести и чести и боялся Сципион, когда запрещал строить театры, когда думал, что благополучие легко может испортить и развратить вас, когда не хотел, чтобы вы были безопасны от врагов. Он не думал, что государство может быть счастливым, если его стены будут стоять, а нравы — падут. Но для вас гораздо большее значение имеет то, чем прельстили вас бесчестные демоны, нежели то, относительно чего предостерегали вас предусмотрительные люди. Поэтому зло, которое вы совершаете, вы не хотите ставить себе в вину, и зло, которое терпите, вы ставите в вину временам христианским. В безопасности вашей вы ищете не мира для государства, а безнаказанности для своей распущенности; будучи испорчены счастьем, вы не могли исправиться и бедствиями. Сципион хотел держать вас в страхе перед врагом, чтобы вы не предались распущенности;

а вы, и сокрушенные врагом, не обуздали себя. Вам бедствие не принесло пользы; вы сделались и самыми несчастными, и в то же время остались и самыми дурными.

Глава XXXIV

*О милосердии Божиим, положившем границы
истреблению Рима*

И, однако, то, что вы живете, есть дело Божие. Это Он своею милостью убеждает вас, чтобы вы исправлялись через покаяние; это Он дал ее вам, неблагодарным, чтобы вы избежали неприятельских рук или под именем Его рабов, или в местах Его мучеников. Рассказывают, что Ромул и Рем, стараясь увеличить население закладываемого ими города, учредили убежище, дабы каждый, прибегавший туда, освобождался от всякого наказания. Но удивительный пример этого в честь Христа куда превосходней. Разрушители Рима учредили то, что прежде не было учреждено его строителями, ибо последние сделали это, чтобы увеличить число своих граждан, а первые — чтобы пощадить великое множество своих врагов.

Глава XXXV

О тайных сынах церкви между нечестивыми и о ложных христианах внутри церкви

Все это и подобное этому, если может отвечать пространнее и лучше, пусть отвечает своим врагам искупленная семья Господа Христа и странствующий град Царя Христа. Пусть только помнит она, что и среди врагов скрываются будущие граждане, и не считает бесполезным для них того, к чему они, пока не сделали исповедниками, относятся враждебно; так же точно и град Божий: пока он странствует в этом мире, имеет врагов, соединенных с ним общением таинств, но не имеющих возможности наследовать жребия святых; среди них есть враги тайные, а есть и явные; последние не колеблются даже роптать на Бога, которому клялись, наполняя вместе с другими врагами театры, а с нами – церкви. Но в исправлении и некоторых из них отнюдь не следует отчаиваться, коль скоро и среди самых отъявленных врагов скрываются подчас predetermined друзья, еще неведомые даже для себя самих. Ибо эти два града переплетены и взаимно перемешаны в настоящем веке, пока не будут разделены на последнем суде. Об их происхождении, преуспейнии и конечных судьбах я постараюсь, с помощью Божией, сказать, что, по моему мнению, следует сказать ради славы града Божия, которая при сравнении с тем, что ей противостоит, вы-

ступит в более ясном свете.

Глава XXXVI

*О каких предметах надлежит говорить в
дальнейшем рассуждении*

Но мне нужно сказать еще нечто против тех, которые падение римского государства приписывают нашей религии, возбраняющей им приносить жертвы их богам. Прежде всего следует им напомнить, как много можно было бы указать несчастий, которые римское государство и принадлежащие ему провинции перенесли прежде, чем были запрещены им их жертвоприношения: все эти бедствия они, несомненно, приписали бы нам, если бы наша религия была им известна уже тогда или если бы она уже тогда возбраняла им их святотатственные священнодействия. Затем следует показать, за какие их нравы и по какой причине Бог, во власти Которого находятся все царства, благоволил содействовать увеличению их власти, и как те, которых они называют богами, ни в чем им не помогли, а, вернее, даже во многом им повредили, обольщая и обманывая. Наконец, будет сказано против тех, которые, будучи опровергнуты и обличены на основании самых очевидных документов, стараются утверждать, что богов должно почитать не ввиду выгод настоящей жизни, а ради жизни, которая наступит после смерти.

Если не ошибаюсь, этот вопрос будет и гораздо труднее, и достойнее более возвышенного исследования, ибо придет-

ся говорить и против их философов, и не каких-нибудь, а таких, которые пользуются у них превосходнейшей славой и которые согласны с нами относительно многих пунктов, например, относительно бессмертия души и того, что Бог создал мир, и относительно Его провидения, которым Он управляет всем сотворенным. Но так как и их следует опровергнуть в том, в чем они держатся противоположных с нами воззрений, то мы не должны уклоняться и от этой обязанности, чтобы, отразив нечестивые возражения по мере сообщенных нам Богом сил, защитить град Божий, истинное благочестие и богопочтение, которое одно неложно обещает вечное блаженство. Итак, закончим на этом настоящую книгу, дабы то, о чем мы вознамерились говорить, изложить в следующей.

Книга вторая

В этой книге, начав рассуждения о тех несчастиях, какие римляне терпели до Христа, при господстве культа ложных богов, бл. Августин прежде всего доказывает, что заботливость ложных богов не только не освобождала римлян от нравственных действий и душевных пороков, которые следует почитать злом или единственным, или величайшим, а напротив, увеличила их массу.

Глава I

*О пределе, до которого обязательно вести
рассуждение*

Если бы свойственное человеку слабое разумение не осмеливалось противиться очевидной истине, а подчиняло свою немощь спасительному учению, как врачеванию, пока не исцелит его божественная помощь, получаемая от благочестивой веры, то людям здравомыслящим и выражающим свои мнения с достаточной ясностью не было бы нужды тратить много слов для того, чтобы доказать ошибочность того или иного ложно составившегося представления. Но наиболее распространенная и отвратительная болезнь глупых душ в настоящее время состоит в том, что свои неразумные движения они защищают так, как будто они – сам разум и сама истина, даже если им кто-либо и представит вполне ясное доказательство их ошибочности, насколько таковое может быть представлено одним человеком другому, – защищают или по крайней слепоте, вследствие которой не видят очевидного, или по крайнему своему упрямству, вследствие которого не признают и того, что видят. Поэтому приходится говорить пространно и о самых очевидных вещах: не для того, чтобы представить их зрячим, а для того, чтобы дать их осязать ощупывающим и зажмурившимся.

Тем не менее где был бы конец нашим рассуждениям и ме-

ра нашим словам, если бы мы думали, что на всякое возражение нужно давать новый ответ? Ибо те, которые или не могут понять того, что говорится, или настолько упрямы, что, хотя и понимают, согласиться не хотят, те, как написано, «изрыгают дерзкие речи» (Пс. 93, 4) и лживы неутомимо. Если бы мы взялись опровергать их возражения всякий раз, как только они задаются упрямым намерением, не заботясь о том, что скажут, так или иначе противоречить нашим рассуждениям, то ты видишь сам, насколько бы это было делом и бесконечным, и тяжелым, и бесполезным. Поэтому я желал бы, чтобы ни сам ты, сын мой Марцеллин, ни другие, кому мой настоящий труд послужит к пользе и даст благородное занятие в любви Христовой, не были такими судьями моего сочинения, которые желают получать все новые и новые ответы, слыша, что есть какое-либо возражение против того, что они читают; иначе будут они подобны тем женщинам, о которых упоминает апостол: «Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3, 7).

Глава II

О том, что сказано в первой книге

Итак, в предыдущей книге, когда я начал говорить о граде Божием, которому, с помощью Божией, решил посвятить весь этот труд, я счел необходимым прежде всего дать ответ тем, которые войны, опустошающие наш мир, в особенности же недавний разгром Рима, приписывают христианской религии, возбраняющей служение мерзким демонам; между тем, они скорее должны были бы приписать Христу то, что варвары ради имени Его, вопреки правилам и обычаю войны, предоставили им для убежища священные и самые обширные места, и не только действительным рабам Христовым, но во многих случаях и самозванцам оказывали такое почтение, что и дозволенное по отношению к ним правом войны считали для себя непозволительным. Отсюда возник вопрос: почему таких божественных милостей удостоены были и люди нечестивые и неблагодарные и, наоборот, почему те жестокости, которые совершались неприятелем, обрушились не только на людей нечестивых, но и на благочестивых?

Над разрешением этого вопроса, которым задаются многие ввиду того, что все вообще обыденное, как дары Божии, так и человеческие скорби, по большей части одинаково и

безразлично выпадают и на долю людей добродетельных, и на долю порочных, я остановился несколько более, чем было нужно в интересах предпринятого труда; это было сделано главным образом ради утешения святых и благочестиво непорочных женщин, над которыми враги совершили нечто такое, что оскорбило их стыдливость, хотя и не отняло у них самого целомудрия: чтобы не тяготились жизнью те, которые не имеют повода упрекать себя в непотребстве.

Потом я сказал несколько слов против тех, которые с бесстыдной наглостью позорят христиан, подвергшихся упомянутым несчастьям, в особенности же претерпевших насилие чистых и святых женщин; между тем как сами эти клеветники – люди в высшей степени непотребные и не заслуживающие никакого уважения, выродившиеся потомки тех римлян, чьи славные дела часто вспоминаются и прославляются историей. Они позорят славу своих предков, ибо этот Рим, основанный и возвеличенный трудами древних, они обезобразили гораздо более при его внешне благополучном существовании, чем обезобразило его разрушение; при разрушении его падали камни и бревна, а в их жизни, когда сердца их пылали пагубнейшими вожделениями, будто кровли города – огнем, пали всякие твердыни и украшения не стен, а нравов.

На этом я закончил первую книгу. Затем я думал говорить о том, какие несчастья претерпел этот город с самого своего основания как у себя дома, так и в принадлежащих ему

провинциях, — несчастья, которые были бы приписаны христианской религии, если бы уже и тогда гремело евангельское учение с его смелым свидетельством против их ложных и лживых богов.

Глава III

О том, что надлежит обращаться к истории, из которой открывается, какие несчастья выпали на долю римлян в то время, когда они почитали богов, прежде чем распространилась христианская религия

Не забудь, впрочем, что, говоря все это, я имел дело еще с людьми необразованными, невежество которых породило и известную расхожую пословицу: «нет дождя, причина – христиане». Но есть между ними и люди образованные, любящие историю, из которой прекрасно знают все это, но приговариваются незнающими, чтобы возбудить против нас враждебные толпы невежд. Они стараются распространить в народе мнение, что те бедствия, которым то там, то здесь время от времени подвергается род человеческий, случаются по вине христианской религии, которая назло их богам распространяется повсюду с такой великой славой и с таким блеском. Пусть же они пересмотрят вместе с нами, каким частым и разнообразным бедствиям подвергалось римское государство, прежде чем Христос явился во плоти, прежде чем прославилось в народах имя Его, которому они завидуют; и пусть после этого защищают, если смогут, своих богов, коль скоро почитают их ради того, чтобы их последователи не претерпевали этих несчастий. Если они испытывают что-нибудь подобное теперь, то утверждают, что винить в этом

следует нас. Так почему же эти боги допустили, чтобы с поклонниками их случилось то, о чем я намерен говорить, и в то время, когда проповедь о Христе еще не досаждала им и не возбраняла их жертвоприношений?

Глава IV

О том, что чтители богов никогда не получали от своих богов никаких предписаний о добродетельной жизни и в виде культа им совершали всевозможные мерзости

Во-первых, почему их боги не позаботились о том, чтобы их нравы не были до крайности развращенными? Бог истинный заслуженно оставил своим попечением тех, которые не чтили Его: но почему же те боги, на запрещение культа которых жалуются эти неблагодарные люди, не попечительствовали добродетельной жизни своих поклонников никакими законами?

Справедливость требовала, чтобы как люди заботились так или иначе о культе своих богов, так и эти боги заботились о поведении людей. Но, говорят, каждый человек бывает дурен по собственной воле. Никто этого не отрицает. Тем не менее делом богов-советников было не утаивать от чтущего их народа заповеди добродетельной жизни, а предлагать их в публичной проповеди, вразумляя и сдерживая грешащих через пророков, поступающим дурно грозя наказаниями, живущим же добродетельно обещая награды. Разве когда-нибудь раздавался в их храмах сильный и всепокрывающий голос богов о чем-либо подобном?

Некогда, в дни юности, хаживали и мы на святотатствен-

ные зрелища, смотрели на беснующихся, слушали певцов, забавлялись гнуснейшими играми, которые давались в честь богов и богинь, в честь небесной девы и матери всех Верекинфии. Перед ложем этой последней, в праздник ее омовения, непотребными актерами публично распевалось такое, что не подобало бы слушать не только матери богов, но и матерям каких-нибудь сенаторов или вообще каких-нибудь честных мужей, даже матерям самих этих актеров. Есть в отношении к родителям некоторая человеческая стыдливость, которой не может истребить даже непотребство. Сами же актеры на домашних репетициях стыдились исполнять перед своими матерями это гнусное месиво из мерзких слов и действий; а публично, перед матерью богов, в присутствии многочисленного собрания людей обоего пола, исполняли. Если множество отовсюду собравшегося народа приходило, привлеченное любопытством, на эти действия, оно должно было бы немедля уйти в смущении, с оскорбленным чувством целомудрия. Что после этого назовем святотатством, если это – священнослужение, или что будет осквернением, если это – омовение? И это называлось феркулами, точно совершалось некое пиршество, на котором как бы питали нечестивых демонов их же пищей. Ибо кто не понимает, какого рода духи услаждаются подобными мерзостями? – разве что тот, кто или совсем не знает, что существуют некоторые нечестивые духи, обольщающие под именем богов, или же проводит такую жизнь, в которой ждет милости и страшится гнева этих

духов более, чем милости и гнева истинного Бога.

Глава V

О мерзостях, которыми чтили мать богов ее поклонники

Судьюю в этом деле я никоим образом не желал бы иметь кого-нибудь из тех, которые стараются скорее сами услаждаться безнравственностью позорнейшего обычая, чем бороться против нее, а хотел бы иметь в качестве такового того же Сципиона Назику, который был объявлен сенатом наилучшим из мужей и руками которого идол этого демона был принят и перевезен в Рим. Пусть он скажет нам, пожелал ли бы он, чтобы его мать оказала государству такие великие заслуги, чтобы ей были установлены божеские почести подобно тому, как у греков, у римлян и у других народов установлены они некоторым смертным, благодеяния которых эти народы ценили весьма высоко и которых они считали сделавшимися бессмертными и принятыми в число богов? Без всякого сомнения, он пожелал бы своей матери такого счастья.

Затем, если бы мы его спросили, согласился ли бы он, чтобы в числе божеских почестей ей совершались и эти мерзости, то разве не воскликнул бы он, что желал бы лучше, чтобы мать его лежала мертвою без всякого чувства, чем жила богинею для того, чтобы иметь удовольствие слушать подобные вещи? Нет, этот римский сенатор, одаренный такой проницательностью ума, что запретил строить театр в горо-

де мужественного народа, не захотел бы, чтобы мать его почитали таким образом, чтобы для умилоствления богини совершались такие вещи, сама только речь о которых была бы оскорблением для благородной женщины. Он никогда бы не поверил, чтобы стыдливость достохвальной матроны через усвоение ею божественности до такой степени изменилась, что ее поклонники смогли бы призывать ее такими похвалами, от которых, если бы они были брошены в упрек какой-нибудь женщине, еще живущей среди людей, покраснели бы за нее и родственники, и муж, и дети, если бы не заткнули ушей и не ушли.

Такая мать богов, какую постыдился бы иметь матерью даже самый дурной человек, намереваясь овладеть римскими умами, требовала себе наилучшего мужа, – не такого, которого она сделала бы наилучшим обучением лучшему, а такого, которого обольстила бы обманом (она похожа на ту, о которой написано: «жена уловляет дорогую душу» (Притч. 6, 26)), – требовала для того, чтобы богато наделенный природными дарованиями дух, возвысившись этим как бы божественным свидетельством в собственных глазах и считая себя действительно наилучшим, не искал истинного благочестия и религии, без которой самые достохвальные дарования исчезают и приходят в упадок. Ибо с какою другой, как не этой коварной целью желала эта богиня себе наилучшего мужа, если в своем культе требовала таких вещей, каких наилучшие мужи, гнушаясь подобного, не допускают на сво-

их пирах?

Глава VI

*Боги языческие никогда не делали священным учения
о добродетельной жизни*

Поэтому-то эти божества и не заботились о жизни и нравах городов и народов, у которых почитались: безо всяких запрещений, которые внушали бы страх, они дозволяли им становиться худшими и терпеть большие и отвратительные убытки, убытки не в смысле имений и виноградников, не в деньгах и хозяйстве, не в тех, наконец, делах, которые находятся в подчинении ума, а в самой душе – правительнице тела. Но, может быть, они запрещали? В таком случае пусть нам покажут это яснее, пусть докажут. Пусть не шепчут нам на ухо о каких-то под видом якобы тайной религии передаваемых вещах, в которых излагается-де учение о добродетельной жизни и чистоте; пусть покажут нам или напомним, где те места, посвященные таким собраниям, где совершались бы не игры с бесстыдным пением и плясками гистрионов, где праздновались бы не фугалии¹⁴, дающие полный простор всякому непотребству (это поистине фугалии (*изгнание*), но фугалии стыдливости и чести), но такие, где народы слышали бы, что повелевают боги относительно умерения жадности, уничтожения жульничества, обуздания рос-

¹⁴ Праздник, посвященный изгнанию царей.

коши; где учились бы несчастные тому, чему советовал им учиться Персей, говоря:

Учитесь, несчастные, корни вещей прозревайте:
Кто мы такие, зачем в этой жизни рождаемся;
Что за порядок повсюду; где, почему и какие
В жизненном беге стоят поворотные вехи;
Меру ищите во всем, что полезно вам или желательно;
Что есть хорошего в деньгах, насколько к отчизне и
милым
Щедрыми быть вам прилично; какими велел вам Бог
пребывать;
каковы пред людьми обязательства¹⁵.

Пусть скажут, в каких местах существовал у них обычай провозглашать такие заповеди богов-наставников, подобно тому, как указываем мы на церкви, установленные для этого повсюду, где распространена христианская вера.

¹⁵ Persius. *Satyr.* III.

Глава VII

Открытия философские, не имеющие авторитета божественного, бесполезны, как скоро всякий, имеющий склонность к порокам, следует скорее тому, что делали боги, чем тому, что утверждали люди

Пожалуй, они напомнят нам о школах и рассуждениях философов. Но, во-первых, все это не римское, а греческое; а если оно потому и римское, что Греция сделалась римской провинцией, то все же это не заповеди богов, а откровения людей, которые, будучи одарены проницательнейшим умом, старались так или иначе путем умозаключений исследовать, что скрывалось в природе вещей, чего следует желать в здешней жизни и чего избегать, что в самих правилах умозаключения дается как прямой вывод, а в чем обнаруживается непоследовательность или даже противоречие. Некоторые из них, насколько пользовались божественной помощью, открыли нечто великое, но насколько встречали препятствие в человеческой немощи, впали в заблуждение. Божественное провидение вполне справедливо воспротивилось их гордости, чтобы в противоположность им указать начало пути к небесному в смирении. Но обо всем этом мы, если будет на то воля истинного Господа Бога, порассуждаем и поговорим в другом месте.

Однако же если философы открыли нечто такое, что мог-

ло быть достаточным для добродетельной жизни и для приобретения блаженства, то не гораздо ли справедливее было бы установить божественные почести именно им? Не гораздо ли лучше и честнее в храме Платона читать его книги, чем в храмах демонов оскотничать галлов, дабы затем их, сделавшихся женоподобными, торжественно посвящать, сумасбродствующих заставлять истязать себя и совершать многое другое или жестокое, или постыдное, или постыдно-жестокое, или жестоко-постыдное, что совершается обыкновенно в храмах таких богов? Не гораздо ли полезнее было бы, для научения юношества справедливости, провозглашать публично законы богов, чем попусту хвалиться законами и установлениями предков? Ведь все почитатели таких богов, едва ими овладеет похоть, подправленная, как говорит Персей, жгучим ядом, скорее смотрят на то, что делал Юпитер, чем на то, чему учил Платон или что думал Катон. Так, Теренций изобразил молодого повесу, который, увидев некую фреску, на которой было изображено, как Юпитер некогда обманул Данаю, пролив на лоно ее золотой дождь, тут же усмотрел здесь оправдание своему бесчестному делу, гордясь, что в этом отношении подражает богу:

Великий бог, небесный храм сотрясший громом!

Ну, как не совершить мне то же, человеку малому?¹⁶

¹⁶ Terent. *In Eunucho*, act. III, sc. 6.

Глава VIII

О сценических играх, на которых боги не оскорбляются, а умилоствуют тем, что выставляются напоказ их бесчестные поступки

Но всему-де подобному учат не культы богов, а басни поэтов. Я не утверждаю, что принадлежности таинств постыднее принадлежностей зрелищ. Я утверждаю одно (и отрицающих это уличит история), что сами эти игры, главное содержание которых составляют вымыслы поэтов, не римляне из невежественной угодливости ввели в культ своих богов, а сами боги сурово потребовали и некоторым образом вымучили, чтобы эти игры проводились и посвящались в их честь. Я упомянул об этом еще в первой книге. Ибо с самого начала сценические игры в Риме были установлены по определению понтификов во время моровой язвы. Кто же после этого не придет к мысли, что в образе жизни своей он должен скорее следовать тому, что представляется на зрелищах, установленных по божественному приговору, чем тому, что пишется в законах, учрежденных человеческой мудростью? Ведь если бы поэты лживо выставили Юпитера прелюбоде-ем, то непорочные боги должны были бы разгневаться и отомстить за то, что подобное оскорбление божеству измышлено человеческими играми, а не за то, что эти игры не проводятся. А между тем таковы самые умеренные из сцениче-

ских игр, т. е. комедии и трагедии, басни поэтов; написанные для представления на зрелищах, они хотя и весьма бесстыдны по содержанию, но не бесстыдны, по крайней мере, как многие другие, по изложению. Люди пожилые даже принуждают отроков читать и изучать их в числе тех наук, которые называются честными и свободными.

Глава IX

Древние римляне считали нужным ограничить поэтический произвол, который греки, следуя образу мыслей богов, желали оставить свободным

О том, что думали об этом древние римляне, свидетельствует Цицерон в книгах, написанных им о республике: там Сципион, рассуждая, говорит так: «Комедии никогда не могли бы показывать в театрах своих мерзостей, если бы не позволяли того нравы». Древнейшие греки на этот раз проводили даже с некоторой последовательностью свой испорченный образ мыслей: у них было дозволено законом говорить в комедии что угодно и о ком угодно, называя даже по имени. «И потому, – продолжает (Сципион) Африканский, – кого комедия не коснулась, кого не оскорбила, кого пощадила? Пусть бы она опозорила людей негодных, заискивавших перед народом, производивших мятежи в государстве: Клеона, Клеофонта, Гипербола. Мы примирились бы с этим, хотя было бы лучше, если бы и этого рода граждан клеймил позором цензор, а не поэт: но позорить в стихах Перикла, после того как он в продолжение многих лет держал в руках верховную власть в мирное и военное время, и разыгрывать их на сцене так же неприлично, как если бы наш Плавт или Невий вздумали бесславить Публия и Гнея Сципионов, или Цецилий – Марка Катона». И несколько далее прибавляет: «Наши Две-

надцать таблиц, напротив того, назначив уголовные наказания за весьма немногие преступления, к числу этих преступлений нашли справедливым отнести и то, если бы кто пропел или сочинил стихи, бесславящие или позорящие другого. И это прекрасно. Жизнь наша должна принадлежать суду магистратов и законному разбирательству, а не фантазии поэтов; и слышать о себе позорные вещи мы должны не иначе, как при условии, что можем отвечать и защищаться в судебном порядке».

Я нашел нужным извлечь эти цитаты из четвертой книги Цицерона о республике, опустив и немножко изменив кое-что для большей ясности. Ибо это непосредственно относится к тому вопросу, который я взялся, насколько смогу, разъяснить. Он говорит далее и многое другое и заканчивает это место тем, что древние римляне, по его словам, не позволяли никого из живущих ни восхвалять, ни порицать на сцене. Но греки, как я сказал, показывая в данном отношении хотя и меньше стыда, но больше последовательности, позволяли это, ибо полагали, что их богам угодны и приятны рассказываемые в сценических баснях вещи, позорящие не только людей, но и самих богов (вымышлены ли были эти вещи поэтами, или же в театрах воспоминались и представлялись действительные их распутства, — о если бы их поклонники находили все это достойным только смеха, а не подражания!). Ибо было бы крайней гордостью щадить доброе имя государственных властей и граждан там, где боги не желали

щадить своей чести.

Глава X

С каким искусством вредить демоны хотели, чтобы относительно них рассказывались ложные или действительные преступления

Именно то, что приводится в оправдание: что, дескать, все, рассказываемое о богах, не истинно, а вымышленно и ложно, если это рассматривать с точки зрения религиозного благочестия, представляется еще более преступным, а если принять во внимание лукавство демонов, в высшей степени хитрым и рассчитанным на обольщение. Ведь если позорные вещи рассказываются о верховном правителе отечества, правителе добром и полезном, не тем ли более они отвратительны, чем более далеки от истины и чужды его жизни? Какие же наказания могут быть достаточными, если такого рода беззаконие, если такое величайшее оскорбление дозволяется в отношении к Богу? Но злые духи, которых они считают богами, желают, чтобы о них рассказывались и такие постыдные вещи, которых они не делали, чтобы представлениями такого рода опутывать, как сетями, умы человеческие и приводить вместе с собою к предназначенному наказанию. Совершили ли эти постыдные вещи люди, которые считаются богами к удовольствию (демонов), радующихся человеческим заблуждениям, вместо которых посредством тысячи вредных и коварных уловок они выставляют для почитания

самих себя, или преступления эти в действительности не были совершены никем из людей, — коварнейшие духи охотно допускают измышлять их о божествах, чтобы для совершения злодеяний и мерзостей был подан на землю как бы с самого неба ободряющий пример. Поэтому греки, считая себя рабами таких божеств, полагали, что поэты не должны щадить и их самих, коль скоро столько и так бесчестили в театрах богов. Они или желали через это уподобляться своим богам, или боялись возбудить их гнев, если бы вдруг их имя оказалось более честным и, таким образом, они стали бы лучше их.

Глава XI

Об актерам, допущенных у греков к отправлению государством на том основании, что было бы со стороны людей несправедливостью презирать умиловителей богов

Сообразно с этим и разыгрывавших эти басни актеров они считали людьми, достойными немалой гражданской чести. Так, — об этом упоминается и в книге о республике, — афинянин Эсхин, муж красноречивейший, управлял делами государства, хотя, будучи юношей, разыгрывал трагедии; равным образом Аристодема, тоже трагического актера, афиняне часто посылали послом к Филиппу по весьма важным делам, как мирным, так и военным. Действительно, если они видели, что само искусство и театральные игры были угодны богам, то смотреть на тех, которые их разыгрывают, как на людей бесславных было бы логически несообразно. Это было, конечно, постыдно для греков, но совершенно последовательно в отношении к их богам: они не отваживались защищать жизнь граждан от язвительного языка поэтов и гистрионов, коль скоро им было известно, что эти позорили и жизнь богов; и раз уж эти люди представляли в театрах такое, что, по их понятиям, приятно божествам, которым они были покорны, то и самих этих людей греки считали не только не заслуживающими ни малейшего презрения в государстве, но

и достойными величайшей чести.

В самом деле, на каком бы основании они, почитая жрецов за то, что через них приносятся приятные богам жертвы, считали бы людьми презренными актеров, через которых они получили возможность, по указанию самих же богов, доставлять удовольствие и честь богам, которые того требовали и гневались, если этого не делалось? И это – в особенности после того, как Лабееон, которого считают великим знатоком в вещах подобного рода, отличил богов добрых и злых различным культом, ибо злые божества, как утверждал он, умилоостивляются-де кровавыми жертвами и скорбными мольбами, а добрые – веселым и шутивным почитанием, например играми, пиршествами и лектистерниями.

Каково все это, об этом, даст Бог, подробнее скажем потом. Что же касается настоящего предмета, то всем ли богам оказывается одинаковое почитание, как богам добрым (поскольку богам неприлично быть злыми, хотя, вернее, все они – боги злые, так как они – нечистые духи), или же с известным различием: одним – одно, другим – другое, как этого требовал Лабееон, – во всяком случае греки поступали логично, считая одинаково достойными чести как жрецов, которые совершают жертвоприношения, так и актеров, которые исполняют театральные игры. Их нельзя упрекнуть в том, что они обижали своих богов, – всем ли то, если игры и всем им приятны, или, что было бы еще хуже, тем, которых считают добрыми, если игры любят только лишь эти последние.

Глава XII

О том, что римляне, воспрещая поэтам свободу слова по отношению к людям и позволяя ее по отношению к богам, были о себе лучшего мнения, нежели о богах

Между тем римляне, — чем в том же сочинении о республике так гордится Сципион, — не желали, чтобы их жизнь и доброе имя подвергались порицанию и оскорблению со стороны поэтов, постановив законом подвергать уголовному наказанию того, кто осмелился бы сочинять стихи подобного содержания. Этим постановлением они выразили довольно уважительное мнение о самих себе, но по отношению к их богам оно высокомерно и неблагочестиво. Если они знали, что боги принимают оскорбления и злословия со стороны поэтов не только терпеливо, но и охотно, то, значит, они считали себя менее заслуживающими этих оскорблений, чем боги, и себя оградили от них законом, а оскорблениям богов дали место на священных празднествах. Неужели, Сципион, ты хвалишь римлян за то, что они воспретили поэтам свободу поражать насмешкой кого-либо из граждан, когда видишь, что с их стороны не было пощады никому из ваших богов? Неужели, по твоему мнению, больше следует уважать вашу курию, чем капитолий, один Рим, чем целое небо, так что граждане твои защищены от злословия поэтов законами,

а твоих богов поэты спокойно осыпают оскорблениями: и ни один сенатор, ни один цензор, ни один сановник, ни один понтифик не воспрещает им этого!

Плавту или Невию злословить Публия и Гнея Сципионов, или Цецилию – Марка Катона было неприлично, а вашему Теренцию подстрекать юношей к распутству описанием злодеяний всеблагого и верховного Юпитера – прилично?

Глава XIII

Римляне должны были бы понять, что их боги, требовавшие себе почитания, состоящего в мерзких играх, не достойны божеских почестей

Но, будь Сципион жив, он, возможно, возразил бы мне так: «Каким образом мы стали бы преследовать наказанием такое, что священо по воле самих богов? Ибо театральные игры, в которых все это рассказывается и представляется, в римские нравы ввели сами боги и повелели, чтобы это посвящалось и совершалось в их честь». Но почему же, в таком случае, римляне не поняли из этого, что эти боги – боги не истинные и совершенно не заслуживают того, чтобы республика воздавала им божеские почести? Ведь если бы они потребовали себе игр, позорящих самих римлян, их было бы неприлично и не следовало почитать: каким же образом, спрашиваю, их сочли достойными поклонения божествами, а не гнусными духами, если из желания ввести в обман они потребовали, чтобы под видом поклонения им прославлялись их злодеяния?

Нужно заметить, что римляне, хотя и были подвержены вредному суеверию, состоявшему в почитании богов, требовавших, чтобы им посвящались театральные мерзости, тем не менее не забывали своего достоинства и чувства стыда: они не питали, подобно грекам, никакого уважения к сочи-

нителям этих басен, но, как говорит у Цицерона тот же Сципион, «считая все сценическое и театральное искусство целиком позорным, постановили: этот род людей не только лишать чести, принадлежащей остальным гражданам, но даже исключать из триб по распоряжению цензора». Мудрость замечательная и вполне заслуживающая быть отнесенной к римским достоинствам; но желал бы, чтобы она была последовательна и верна самой себе. То правильно, что каждый, кто из римских граждан захотел бы быть актером, не только теряет всякое право на уважение, но к тому же по цензорскому распоряжению изгоняется из своей трибы. Это ты, ревнивый к гражданской чести, настоящий римский дух! Но пусть ответят мне, на каком основании актеры всецело лишаются чести, а театральные игры относятся к действиям, совершаемым в честь богов? Долгое время римская доблесть не знала театральных искусств. Если бы их ввели для услаждения человеческой похоти, они вредным образом подействовали бы на человеческие нравы. Это боги потребовали, чтобы они давались им. Каким же образом считается презренным актер, через которого чтится бог? На каком основании актер, разыгрывающий театральную мерзость, подвергается презрению, если потребовавший ее бог пользуется почитанием?

В отношении к этому предмету греки и римляне расходятся между собою. По мнению греков, они правильно уважают актеров, так как через актеров почитаются боги, изоб-

ретатели театральных игр; по мнению же римлян, актеры обесчестили бы даже плебейскую трибу, тем более сенаторскую курию. Сущность вопроса в этом разногласии разрешается следующим силлогизмом. Греки говорят: «Если следует почитать подобного рода богов, то должно уважать, конечно, и людей подобного рода». Римляне прибавляют вторую посылку: «Но людей подобного рода уважать не должно». Христиане же заключают: «Следовательно, не должно почитать и подобного рода богов».

Глава XIV

О том, что Платон, в своем идеальном государстве не дававший места поэтам, был лучше тех богов, которые пожелали, чтобы их чествовали театральными играми

Спросим далее, почему не считаются презренными, подобно актерам, и поэты, составители подобного рода басен, которым законом Двенадцати таблиц запрещено оскорблять доброе имя граждан, но которые, между тем, осыпают богов столь оскорбительными насмешками? На каком основании актеры, разыгрывающие измышления стихотворцев и изображающие позорных богов, считаются презренными, а сами авторы пользуются уважением? Не следует ли скорее отдать преимущество греческому Платону, который, изображая идеальное государство, полагал, что из него должны быть изгнаны поэты, как враги истины? С одной стороны, он с негодованием смотрел на оскорбления богов, с другой – не хотел, чтобы и дух граждан развращали и искажали вымыслами.

Сравни же теперь человечность Платона, изгоняющего поэтов из государства ради предупреждения развращения граждан, с божественностью богов, в честь себя требующих театральных игр. Платон своими рассуждениями если не убедил, то, по крайней мере, посоветовал легкомысленным

и распущенным нравственно грекам, чтобы произведения подобного рода даже и не писались; напротив, боги настоятельно потребовали от солидных и умеренных римлян, чтобы такие произведения разыгрывались и на сцене, и не только разыгрывались, но посвящались и торжественно исполнялись в их честь. Кому же, спрашивается, государство должно воздавать божеские почести с большей торжественностью — Платону ли, возбраняющему всякого рода мерзости и непотребства, или же демонам, находящим удовольствие в подобном обмане людей, которых Платон не смог убедить в истине? Лабеон полагал, что Платона следует считать полубогом, как Геркулеса и Ромула; полубогов же он ставил выше героев, хотя и тех и других относил к божествам. Но я думаю, что того, кого он называет полубогом, следует ставить выше не только героев, но и самих богов. С воззрениями Платона сходны и римские законы в том отношении, что Платон осуждает всякого рода поэтические вымыслы, а римские законы запрещают поэтам оскорбительно отзываться о людях; Платон изгоняет из государства поэтов, римские же законы лишают права гражданства актеров, разыгрывающих поэтические басни, и, пожалуй, изгнали бы их из государства совсем, если бы не боялись богов, требовавших себе театральных игр.

Итак, римляне не могли ни в коем случае получить или ждать от богов законов, направленных к воспитанию нравов добрых и исправлению дурных, ибо сами превосходили

их своими законами: боги требуют в честь себя театральных игр, а римляне устраняют актеров от всяких должностей, соединенных с честью; боги повелевают, чтобы позорные дела их прославлялись поэтическими вымыслами, а римляне не позволяют бесстыдству поэтов позорить и людей. Полубог же Платон восстает и против распутства подобных богов, и показывает, что должен был бы сделать присущий римлянам здравый смысл: он решительно не допускает, чтобы в благоустроенном государстве жили поэты, которые или бессовестно лгут, или предлагают для подражания бедным людям отвратительнейшие дела так называемых богов. Мы не считаем Платона ни богом, ни полубогом; не сравниваем его ни со святым ангелом всевышнего Бога, ни с истинным пророком, ни с кем-либо из апостолов, ни с каким-нибудь мучеником Христовым, ни с каким угодно христианином. Почему это так, мы, с помощью Божией, объясним в надлежащем месте.

Тем не менее ввиду того, что они сами почитают его полубогом, мы думаем, что его следует предпочитать если не Ромулу и Геркулесу (хотя никто из историков и поэтов не говорил о Платоне, что он убил брата или совершил какое-либо иное преступление), то, по крайней мере, Приапу, или некоему Кинокефалу, или, наконец, Лихорадке – божествам, которых римляне отчасти заимствовали со стороны, отчасти же обоготворили сами.

Итак, каким бы образом стали устранять добрыми заповедями и законами угрожавшее душе и нравам страшное

зло или заботиться об уничтожении укоренившегося уже зла такие боги, которые, напротив, сами старались сеять и умножать беззакония, желая, чтобы посредством театральных представлений народ узнавал о таких божественных делах, что непотребнейшая человеческая похоть разжигалась сама собою, как бы опираясь на божественный авторитет? Цицерон напрасно указывал на это, говоря о поэтах: «В то время, как доносится до них одобрительный крик народа, точно какого-то великого и мудрого учителя, какой напускают они мрак! Каких нагоняют страхов! Как разжигают они самые дурные страсти!»

Глава XV

О том, что римляне ввели у себя некоторых богов не по разумным побуждениям, а из лести

Да и при самом избрании ложных богов чем другим руководствовались они по преимуществу, как не лестью? Платона, которого считают полубогом за столь многие исследования его, направленные на защиту нравов от порчи духовным злом, которого особенно надлежит бояться, они не удостоили даже небольшого храма; а своего Ромула поставили выше многих богов, хотя по тайной доктрине и его считают скорее полубогом, чем богом. Ибо ему установили даже и фламина, каковой род жречества в культе римлян пользовался (как это показывает и шапка фламинов) таким превосходством, что фламинов было только три, установленных трем богам: фламин юпитеровский – Юпитеру, марсовский – Марсу и квиринальский – Ромулу (ибо последнего, как бы по благосклонности граждан принятого в число небесных богов, они потом назвали Квирином). Таким образом, он предпочтен был Нептуну и Плутону, братьям Юпитера, и даже Сатурну, их отцу, так что тот самый род жречества, который присущ Юпитеру, присущ был и ему, а Марсу, вероятно, уже благодаря Ромулу, отцом которого тот считался.

Глава XVI

О том, что если бы боги сколько-нибудь заботились о справедливости, то римляне должны бы скорее от них получить правила жизни, чем заимствовать законы от других людей

Затем, если бы римляне могли получить от своих богов законы для жизни, то не заимствовали бы они, через несколько лет после основания Рима, у афинян законов Солона; и при том содержали эти законы не в том виде, в каком приняли, а старались улучшить и исправить. Хотя Ликург и похвалялся, будто законы для лакедемонян он составил по велению Аполлона, однако римляне благоразумно не поверили этому и приняли законы не оттуда. Рассказывают, что преемник Ромула, Нума Помпилий, издал некоторые, хотя и решительно недостаточные для управления государством, законы, которыми установил многие священнослужения; но никто же не говорит, что эти законы он получил от богов. Таким образом, боги римлян нисколько не заботились о том, чтобы отвратить от своих поклонников душевное зло, зло жизни и нравов, которое так велико, что их ученейшие мужи утверждают, что от него погибают республики и при целости городов; а, напротив, всячески старались, чтобы, как о том было сказано выше, это зло еще более увеличивалось.

Глава XVII

О похищении сабинянок и других несправедливостях, которые творились в римском государстве и в восхваляемые времена

Но, быть может, боги не предписывали римскому народу законов потому, что у него, как говорит Саллюстий, «чувство правды и добра было сильно скорее от природы, чем благодаря законам»¹⁷.

Полагаю, что под влиянием именно этого чувства правды и добра были похищены сабинянки... В самом деле, что может быть справедливее и лучше, чем похищение силой чужих дочерей, заманенных в ловушку под предлогом зрелища? Ибо если несправедливо поступили сабиняне, не захотев выдать замуж дочерей, которых у них просили, то во сколько раз несправедливее было похитить тех, которых не выдали? Было бы справедливее воевать с народом, который не хотел выдавать соседям своих дочерей, когда их о том просили, чем воевать с народом, который требовал возвращения похищенных женщин. Было бы лучше, если бы Марс помог своему сыну отомстить вооруженной рукою за нанесенную обиду и таким образом предоставил бы ему возможность получить женщин, которых он искал. В таком случае

¹⁷ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 9.

он, пожалуй, по некоторому праву войны, справедливо отнял бы тех, в которых ему было отказано несправедливо; но он не имел никаких оснований и прав в мирное время похищать девиц и вести несправедливую войну с их справедливо разгневанными родителями. Последующее было полезнее и удачнее: хотя в память об этом обмане установлено было цирковое зрелище, однако сам поступок не был поставлен в пример для подражания ни народом, ни правительством; и римляне, зачислив Ромула после этой несправедливости в число богов, сделали более легкую ошибку, чем если бы позволили подражать ему в похищении женщин каким-либо законом или обычаем.

Под влиянием, далее, этого самого чувства правды и добра, после изгнания с детьми царя Тарквиния, сын которого совершил насилие над Лукрецией, консул Юний Брут принудил отказаться от должности и выслал из государства Тарквиния Коллатина, мужа Лукреции, своего товарища, человека доброго и невинного, за то лишь одно, что тот носил имя Тарквиниев и приходился им родственником. Это злодейство Брут совершил с согласия или по допущению народа, от которого Коллатин, как и сам Брут, получил консульство.

Под влиянием этого же чувства правды и добра достойно обошлись и с Марком Камиллом: этот благородный человек, после десятилетней войны с жесточайшими врагами римского народа вейетами, – войны, в продолжение которой

несчастные сражения истощили римское войско до крайности и сам Рим уже отчаялся и опасался за свое будущее, — одержал над этими врагами победу и овладел их богатейшим городом; но из-за завистников, порицавших его доблести, и бесстыдства народных трибунов он был отдан под суд и освобожденное им государство нашел до такой степени неблагодарным, что, уверенный в своем осуждении, добровольно удалился в ссылку и в отсутствии был присужден к штрафу в десять тысяч ассов. И подобным образом поступили с человеком, который вскоре после этого отомстил за неблагодарное отечество галлам! Не хочется даже вспоминать о тех бесчисленных мерзостях и несправедливостях, которые волновали римское государство в то время, когда сильные старались подчинить себе народ, а народ не хотел им подчиниться, и когда защитники той и другой стороны старались лишь о победе, нисколько не заботясь при этом о правде и добре.

Глава XVIII

Что передает история Саллюстия о римских нравах, которые то были обуздываемы страхом, то приходили в распущенность при уверенности в безопасности

Итак, не буду говорить от себя и обращусь к свидетельству Саллюстия. Хотя вышеприведенные слова: «чувство правды и добра было сильно скорее от природы, чем благодаря законам» Саллюстий высказал в похвалу римлян, относя эту похвалу собственно к тому времени, когда, по изгнании царей, республика за короткий период достигла невероятно высокого расцвета; тем не менее в самом начале первой же книги своей истории Саллюстий признается, что через самый малый промежуток времени, после того как республикой вместо царей начали управлять консулы, в Риме начались притеснения со стороны сильнейших, а в результате этого – распри народа с патрициями и всевозможные волнения. Ибо, упомянув, что римский народ в период времени между второй и последней пуническими войнами отличался превосходными нравами и величайшим согласием, и сказав, что причиною этого была не любовь к правде, а страх, который порождало сознание ненадежности мира при существовании Карфагена (почему Сципион, заботясь об устранении распущенности и сохранении этих превосходных нра-

вов, и не хотел разрушать Карфаген, дабы пороки обуздывались страхом), Саллюстий продолжает так: «Но после разрушения Карфагена усилились раздоры, возросло корыстолюбие, честолюбие и другие виды зла, появляющиеся обычно среди благополучия». Этим он дает понять, что все это имело место и прежде.

Далее, поясняя, почему он так сказал, Саллюстий говорит: «Ибо уже с самого начала появились обиды со стороны сильнейших и вследствие того раздоры плебеев с патрициями и другие домашние несогласия; справедливость и беспристрастность соблюдались лишь до тех пор, пока, по изгнании царей, боялись Тарквиния, и пока не окончилась жестокая война с Этрурией». Заметь, что и за тот короткий промежуток времени, когда по изгнании царей соблюдались справедливость и беспристрастность, причиной этого, по словам Саллюстия, был страх: потому что римляне боялись войны, которую изгнанный из государства и лишенный престола Тарквиний вел против них в союзе с этрусками. Теперь послушай, что говорит Саллюстий далее: «Потом патриции начали порабощать народ, распоряжаться его жизнью и добром с поистине царской властью, лишать его полей и управлять государством одни, с устранением от участия в том остальных. Выведенный из терпения этими жестокостями и особенно долгами, когда непрерывные войны требовали и податей, и отправления военной службы, вооруженный народ удалился на священный авентинский холм и там вы-

брал себе народных трибунов и учредил другие права. Конец этим раздорам и усобицам положила вторая Пуническая война». Видишь, когда, т. е. спустя совсем немного времени после изгнания царей, какими стали римляне, о которых Саллюстий говорит, что у них «чувство правды и добра было сильно скорее от природы, чем благодаря законам»!

Если такими оказываются те времена, когда Римская республика, как говорят, была в превосходнейшем и наилучшем состоянии, то что же должны мы говорить и думать о последующем времени, когда она, выражаясь словами того же историка, «мало-помалу изменяясь, из прекраснейшей и наилучшей стала самой развращенной и распущенной», именно – о времени после разрушения Карфагена? В каких словах изображает и описывает эти времена Саллюстий, на какие виды нравственного зла, явившиеся среди благополучия, указывает он как на причину, породившую даже междоусобные войны, – об этом можно прочесть в его истории. «С этого времени, – говорит он, – нравы предков ухудшались не постепенно, как прежде, а были сокрушены как бы какой-то лавиной: молодежь развратилась до такой степени роскошью и корыстолюбием, что появились люди, которые не могли ни сами иметь хозяйства, ни терпеть, чтобы его имели другие». Затем Саллюстий весьма много говорит о пороках Суллы и других мерзостях времен республики; говорят об этом и другие писатели, хотя далеко не с таким красноречием.

Теперь, полагаю, ты видишь (да и всякий, кто обратит на

это внимание, поймет весьма легко), в какую глубокую пропасть нравственного развращения повергнуто было римское государство до пришествия всевышнего нашего Царя. Ибо все это происходило не только до того, как Христос начал учить, явившись во плоти, но и прежде, чем Он родился от Девы. Итак, если столь великое зло, раньше еще терпимое, а после разрушения Карфагена нестерпимое и ужасное, они не осмеливаются приписывать своим богам, со злоехидной хитростью укоренявшим в человеческие умы верования, из которых произросли такого рода пороки, то почему же настоящее зло они приписывают Христу, Который Своим спасительнейшим учением воспрещает почитание ложных и лживых богов и, осуждая с божественною властью вредные и мерзкие человеческие страсти, от тлеющего и во зле лежащего мира мало-помалу возносит Свою семью и создает из нее вечный и по суду истины, а не по суетному одобрению, славнейший град?

Глава XIX

О развращении Римской республики ранее уничтожения Христом почитания богов

Итак, Римская республика «мало-помалу изменяясь, из прекраснейшей и наилучшей стала самой развращенной и распущенной» (это не я говорю, а гораздо раньше пришествия Христа говорили так их авторы, которые научили нас тому за деньги). Так, раньше пришествия Христа, вскоре после разрушения Карфагена «нравы предков ухудшались не постепенно, как прежде, а были сокрушены как бы какой-то лавиной: молодежь развратилась... роскошью и корыстолюбием». Пусть прочтут нам предписания против роскоши и корыстолюбия, данные римскому народу его богами. О, если бы они только скрывали от него требования чистоты и умеренности, но нет: они еще и навязывали ему предписания позорные и бесчестные, сообщая им пагубный авторитет своею мнимой божественностью! Пусть прочтут теперь наши столь многие предписания против роскоши и корыстолюбия, преподанные и Пророками, и святыми Евангелиями, и Деяниями апостольскими, и Посланиями, – предписания, которые так чудно и так божественно гремят и раздаются повсюду, где только собираются для этого чтения народы, и слышатся они не как из философских пререканий, а как бы из облаков и оракулов Божиих. И, однако же, того, что их республика

вследствие роскоши и корыстолюбия, вследствие грубых и гнусных нравов еще раньше пришествия Христа сделалась самую развращенною и распущенною, они не приписывают своим богам, а всякое неблагополучие ее в настоящее время, коль скоро оно затрагивает их гордость и изнеженность, ставят в вину христианской религии!

Между тем, если бы предписываемых этой религией заповедей одинаково слушались и старались их исполнять «все цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки» (Пс. 148, 11–12), каждый пол и возраст и даже мытари и воины, о которых упоминает Иоанн Креститель (Лк. 3, 12, 14), подобное государство и в настоящей жизни даровало бы счастье своим подданным, и в будущем блаженнейшем царстве вечной жизни заняло бы наивысшее место. Но поскольку эти заповеди один слушает, а другой презирает и большая часть людей любит более пороки с их соблазнами, чем добродетель с ее полезной суровостью, то слугам Христа, цари ли они или князья, судьи или воины, жители ли провинций, богатые или бедные, свободные или рабы, того или другого пола, повелевается терпеть, коль скоро это необходимо, даже и самую развращенную и распущенную республику, и этим терпением приуготовлять себе светлейшее место в святейшем и священном сенате ангельском и в небесном царстве, где законом служит воля Божия.

Глава XX

*Каким желали бы наслаждаться счастьем и
какою жизнью жить те, которые винят времена
христианской религии*

Но эти почитатели и поклонники богов, с удовольствием подражающие им в злодеяниях и непотребствах, нисколько не беспокоятся, что их республика – самая развращенная и распущенная. «Лишь бы, – говорят они, – она процветала, наполняясь богатствами и прославляясь победами, или, что еще лучше, наслаждалась миром. Чего еще нам желать? Все, что мы хотим, – это чтобы все богатели, чтобы всегда хватало и на житейские нужды, и на порабощение слабых. Пусть бедные служат богатым, получая за это на пропитание, а последние пусть проводят жизнь в праздности и неге. Пусть народы рукоплещут не тем, кто дает им добрые советы, а тем, кто доставляет им разного рода удовольствия. Пусть трудное не предписывается, нечистое не запрещается. Цари пусть заботятся не о том, чтобы подданные их были добры, а о том, чтобы были покорны. Провинции пусть служат царям не как блюстителям нравов, а как обладателям наибольших утех, не чтут их сердечно, а рабски боятся. Пусть законы следят, чтобы не вредили чужим виноградникам, а не собственной жизни. К суду пусть привлекают только тех, которые вредят чужому имуществу или здоровью, но если на то нет ничего

несогласия, пусть делают, что хотят. Пусть множатся лупанарии, дабы никому из любителей блуда не было отказа. Пусть строятся обширнейшие поместья, задаются пышные пиры; пусть днем и ночью устраиваются игры до полного пресыщения, попойки до рвоты. Пусть наполняются театры, пусть разыгрываются в них любые, даже самые скотские зрелища. И пусть того считают врагом общества, кому не нравится такого рода благополучие; пусть не слушают таких, пусть гонят с глаз долой, стирают с лица земли. Пусть почитаются те боги, которые предписывают все эти удовольствия, пусть требуют они каких угодно игр, пусть предоставляется им все, что они пожелают, лишь бы только эта счастливая жизнь никогда и ничем не омрачалась: ни страхом перед неприятелем, ни какой-либо заразой, ни чем бы то ни было еще».

Какой здравомыслящий человек не сравнит подобную республику, не скажу с Римской империей, а с домом Сарда-напала, который, будучи некогда царем, был до такой степени предан удовольствиям, что на своей гробнице приказал сделать надпись, что теперь он, мертвый, имеет только то, что при жизни расточило его сладострастие? Если бы у них был такой снисходительный ко всякой распущенности царь, они посвятили бы ему храм и фламينا охотней, чем древние римляне – Ромулу.

Глава XXI

Каково было мнение Цицерона о Римской республике

Но если они не желают слушать тех, кто называет Римскую республику самой развращенной и позорной, нисколько не заботясь о том, какой язве нравственной распущенности она подвержена и какому бесчестью, а лишь о том, чтобы она оставалась целой и могущественной, то пусть они послушают не Саллюстия, а Цицерона, во времена которого она уже совершенно погибла. Цицерон вводит в свои рассуждения Сципиона, того самого, который разрушил Карфаген, вкладывая в его уста мысли о республике, в то время как Цицерону уже было очевидно, что республика вот-вот рухнет из-за той ее порочности, о которой говорил Саллюстий. Ибо Цицерон приступил к своей работе тогда, когда один из Гракхов, с которого, по Саллюстию, начались сильнейшие возмущения, был уже убит.

В конце второй книги Сципион говорит о том, что как при игре на различных инструментах, равно как и при пении, должно соблюдаться определенное соотношение между высокими, средними и низкими звуками и интервалами между ними, из чего образуется их гармоническое сочетание и определенный строй, так же и из разумного сочетания разных слоев населения, их прав и обязанностей составля-

ется гражданское общество; и то, что у музыкантов называется гармонией, то в государстве – согласием, которое суть прочное и наилучшее во всякой республике основание для благополучия и справедливости. Затем Сципион подробно останавливается на том, сколь полезна для государства справедливость и сколь пагубно ее отсутствие. В это время в разговор вступает некто Фил, требуя, чтобы была рассмотрена сама справедливость, ибо существует мнение, что республикой нельзя управлять без некоторой толики неправды. На это Сципион отвечает, что ни сказанное им о республике ранее, ни то, что он еще намеревается сказать, не имеет никакого смысла, если не признать истинности той мысли, что хорошо управлять республикой – значит управлять справедливо. На этом вторая книга заканчивается, и продолжение диспута изложено уже в третьей книге.

Фил берется защищать мнение сторонников неправды, заранее предупредив, что сам это мнение не разделяет. Его оппонентом, по просьбе собравшихся, выступает Лелий. Когда обе стороны обстоятельно исследуют все аргументы сторон, Сципион возвращается к своей прерванной речи, предлагая принять то определение республики, по которому она – народное дело. Народом же он называет не некую толпу, а совокупность людей, объединенных согласием в смысле определения прав и взаимной пользы. Затем, показав, какую пользу в состязаниях имеют определения, он на основе своих определений выводит, что республика, т. е. народное дело, су-

ществоует тогда, когда управляется справедливо, хотя формы управления могут быть разными, а именно: царской, аристократической или всенародной. Если же царь несправедлив (такого царя он называет на греческий манер «тираном»), или несправедливы вельможи (их соглашение он называет «заговор»), или, наконец, несправедлив сам народ (тут он не находит подходящего названия, предлагая считать «тираном» народ), то, как следует из предложенных ранее определений, республику даже нельзя назвать несправедливой: она попросту исчезает. Действительно, она уже никоим образом не может считаться народным делом, если власть в ней злоумышленно захвачена тираном или заговорщиками, и если даже тираном выступает сам народ, то и тут он перестает быть сообществом людей, объединенных согласием, т. е. он перестает быть народом.

Итак, если республика была такой, какой ее описывает Саллюстий, то она была уже не самой развращенной и распущенной из всех республик, а просто не была уже республикой. Так утверждает и сам Туллий (Цицерон), причем уже не от лица Сципиона, а от своего собственного. В начале пятой книги, процитировав стих Энния:

Римлян республика древними нравами держится,
Доблестью славных мужей,

он говорит: «Этот стих по своей краткости и истинности

напоминает мне изречение оракула. Ибо ни мужи, если бы не было государства с такими нравами, ни нравы, если бы не управляли государством такие мужи, не могли бы ни основать, ни так долго сохранять столь обширной и столь правосудно повелевающей республики. Итак, как отеческие нравы рождали славных мужей, так и славные мужи поддерживали древние нравы и установления предков. Наш же век, унаследовав прекрасную, но несколько как бы полинявшую и выцветшую республику, не постарался хотя бы сохранить то, что получил. Ибо что ныне осталось от тех древних нравов? Их не только не придерживаются, но даже и вовсе о них позабыли.

О мужах же и говорить нечего, ибо и нравы погибли из-за недостатка мужей. За все это мы не только должны дать строгий отчет, но и предстать перед судом, как уголовные преступники. Именно вследствие наших пороков мы сохраняем нашу республику лишь на словах, на деле же давно ее потеряли».

Так говорит Цицерон, говорит много позже смерти Сципиона, которого выводит состоящимся в своей книге, но все же еще до пришествия Христа. Но если бы все они даже жили во времена христианские, кто из них вздумал бы обвинять в этом упадке христиан? Почему же их боги не позаботились о сохранении республики, которую так горько оплакивает Цицерон еще задолго до воплощения Христова? Тот же, кто хвалит ее такой, какой она была в древние времена,

также может, присмотревшись, увидеть, что была она и тогда не столько живою нравственно, сколько просто разукрашенной и принаряженной. Это, всячески ее превознося, неосознанно отметил и сам Цицерон. Но мы поговорим об этом в другом месте. Тогда на основании кратких определений самого Цицерона о том, что такое республика и что такое народ (им ли высказанных, или тех, которые он вложил в уста своих героев), я постараюсь показать, что Римская республика никогда не была республикой, ибо там никогда не было справедливости. По более же точным определениям она все же была в своем роде республикой, управляясь древними куда лучше, чем нынешними. Но истинной справедливости нет нигде, кроме той республики, Основатель и Правитель которой – Христос, если эту последнюю угодно будет называть республикой, так как нельзя отрицать, что она – народное дело. Но поскольку в нашем случае это название может показаться несколько необычным, то скажем так: истинная справедливость существует только в том граде, о котором Писание говорит: «Славное возвещается о тебе, град Божий» (Пс. 86, 3).

Глава XXII

Римские боги нисколько не заботились о том, чтобы республика не погибла от развращения нравов

Что же касается настоящего вопроса, то как бы ни хвалили древнюю республику их авторы, все они признают, что задолго до пришествия Христа она стала самую распущенною и развращенною; или что даже ее не стало вовсе, ибо она погибла от испорченных нравов. Тем более ее боги-хранители должны бы были позаботиться о том, чтобы дать предписания о нравах и образе жизни этому народу, воздвигнувшему в их честь столько храмов, назначившему столько жрецов, приносившему столько жертв и установившему столько празднеств и пышных игр. Но эти демоны заботились только о себе, почитателей же своих всячески развращали. Если же дело обстояло иначе, то пусть объявят нам их добрые наставления, пусть прочтут те божественные законы, которые преступили Гракхи, сея вокруг беспорядок и произвол, которые далее нарушили Марий, Цинна и Карбон, развязавшие междоусобные войны, которые велись с неслыханной жестокостью, которыми, наконец, пренебрег Сулла, жизнь, деяния и нравы которого, описанные Саллюстием и многими другими историками, наводят на всех ужас. Кому не ясно, что республика погибла еще в те времена?

Но возможно, в защиту своих богов они осмелятся со-

слаться на то место у Вергилия, в котором говорится, что по причине падения нравов граждан

Храмы оставивши и алтари, удалились
Боги, которыми царство держалось?¹⁸

Но если это так, то, во-первых, нет никаких оснований жаловаться на христианскую религию, что, дескать, боги удалились, ибо были оскорблены ею, поскольку прогнали их, многочисленных и мелких, как мухи, испорченные нравы предков. Однако тут следует спросить, где были эти боги тогда, когда нравы еще не были испорчены, а между тем Рим был захвачен и сожжен галлами? Или они присутствовали, но проспали? Ибо в то время, как город уже был взят неприятелем, у римлян остался лишь капитолийский холм, да и он бы погиб, если бы тогда, когда спали боги, заснули бы и гуси. Установив же праздник в честь гусей, римляне в своем суеверии уподобились египтянам, чтившим зверей и птиц. Впрочем, обо всех этих не касающихся души телесных невзгодах я пока что говорить не намерен. Теперь наша речь – об упадке нравов, сокрушившем республику в то время, когда стены ее городов были еще крепки. Боги же, пожалуй, имели бы право оставить храмы и удалиться, если бы граждане нарушили данные им этими богами предписания о добродетельной жизни и справедливости. Но в нашем случае уместно

¹⁸ Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 351–352.

спросить, каковы были эти боги, которые не захотели жить с почитавшим их народом, которого они, когда он начал жить порочно, не научили жить добродетельно?

Глава XXIII

Различие во временном благосостоянии зависит не от благоволения или ненависти демонов, а от определений истинного Бога

Ну а что, если они даже содействовали удовлетворению их страстей, вместо того чтобы их обуздывать? Ибо кто помог Марию, этому выскочке-плебею, кровожадному зачинщику и виновнику междоусобных войн? Кто помог ему семь раз быть консулом, умереть стариком во время седьмого консульства и не попасть в руки Суллы, в конце концов оказавшегося победителем? Если же во всем этом боги ему не помогали, то из этого следует весьма любопытный вывод: человек, даже когда боги к нему неблагосклонны, вполне может достигнуть желанного ему столь великого временного благополучия; и люди, подобные Марию, могут, несмотря на гнев богов, наслаждаться здоровьем, силой, богатством, почестями и долголетием; напротив, люди, подобные Регулу, несмотря на любовь к ним богов, могут томиться и умирать в плену, в рабстве, в нищете, в бессоннице и тяжких муках. Если они согласятся, что это так, то вынуждены будут также признать, что пользы от их богов нет никакой и почитаются они напрасно.

В самом деле, если по отношению к душевным добродетелям и доброй жизни, награды за которые следует ожидать

после смерти, боги распорядились так, чтобы народ учился скорее противоположному; если, далее, и в отношении проходящих, временных благ они или нисколько не вредят тем, кого ненавидят, или ничем не помогают тем, кого любят, то в чем тогда смысл почитания этих богов? Зачем обращаться к ним с таким усердием? Зачем во время трудностей и лихолетья роптать на то, что они удалились, и из-за этого самым недостойным образом поносить христианство? Если же в области этих благ они способны делать добро или зло, то почему тогда Марию, человеку необычайно дурному, они покровительствовали, а наидостойнейшему Регулу такового покровительства не оказали? Или этим они хотели показать, что сами в высшей степени несправедливы и злы? Но если допустить, что именно вследствие этого их следует бояться и почитать, то на поверку окажется, что и это не так. Ибо Регул почитал их не менее, чем Марий. Но и из того, что Марию они покровительствовали более, чем Регулу, также не следует, что нужно предпочитать жизнь самую дурную. Ибо Метелл, самый достохвальный из римлян, имевший пятерых сыновей консулами, был счастлив во временных благах; а Катилина, человек самый порочный, удрученный бедностью и в своей злодейской войне потерпевший поражение, напротив, был несчастен. Истинным же и прочным счастьем наслаждаются добродетельные почитатели Бога, Который один только может даровать его.

Итак, когда Римская республика погибала от развраще-

ния нравов, боги не сделали ничего для их исправления и улучшения, дабы спасти ее от гибели; напротив, они всячески содействовали развращению и ухудшению нравов, чтобы она погибла. Пусть же они не прикидываются добрыми в том смысле, что якобы они удалились, оскорбленные порочною граждан. Нет, они были на месте; присутствие их вполне обнаруживается: хотя они не пришли на помощь с наставлениями, но и не смогли скрыть себя молчанием. Не говорю о том, как Марий был отведен в рощу, посвященную богине Марике, и был поручен ее покровительству сжалившимися минтурнинцами, и как, счастливо избежав грозившей ему опасности, этот подлый человек повел на Рим свое свирепое войско. Насколько кровава, насколько бесчеловечна, насколько лютее любой неприятельской была его победа, пусть, кто интересуется, прочтет об этом у историков. Я, как сказал, обхожу это молчанием, и кровавое счастье Мария приписываю не какой-то Марике, а таинственному провидению Божию, которое пожелало заградить их уста и освободить от заблуждений тех, кто может беспристрастно и благоразумно исследовать подобные явления. Ибо если демоны и имеют некоторую силу в области подобных предметов, то лишь настолько, насколько позволяет им это сокрошенная воля Всемогущего, чтобы мы не гордились земным счастьем, которое весьма часто предоставляется и людям злым, подобным Марию; но в то же время и не считали само это счастье чем-нибудь злым, видя, что им, наперекор демонам, пользу-

ются и многие благочестивые и добродетельные почитатели единого Бога; и не думали, что ради этих земных благ или зол следует умиловать или бояться нечистых духов. Как злые люди, так и злые духи могут делать не все, что хотят, а лишь то, что им дозволяется распоряжением Того, судеб Которого никто не может ни постигнуть, ни справедливо укорить.

Глава XXIV

О действиях Суллы, в которых помощниками ему явились демоны

Времена Суллы были таковы, что заставили всех с тоской вспоминать времена предшествовавшие, за которые он являлся мстителем. А между тем по свидетельству Ливия, когда Сулла готовился к первому походу на Рим против Мария, он получил при жертвоприношении такие счастливые предзнаменования, что гаруспик Постумий, исследовавший внутренности жертвенных животных, предложил взять себя под стражу и казнить в том случае, если замыслы Суллы не осуществляются при столь явном содействии богов. Итак, боги не удалились, покинув храмы и алтари, если предсказывали Сулле о благополучном исходе его дела, но не постарались при этом исправить его самого. Обещали они ему великое счастье, но ничем не пытались при этом обуздать его злые страсти. Затем, когда Сулла вел в Азии войну с Митридатом, Юпитер через Люция Тиция велел сообщить ему, что он одержит долгожданную победу, что и случилось. После этого, когда Сулла собирался возвратиться в Рим и отомстить за причиненные ему обиды, обильно пролив при этом кровь сограждан, тот же Юпитер через некоего солдата шестого легиона вновь обещал ему победу и власть. Когда Сулла расспросил, как выглядел тот, кто явился солдату, выяс-

нилось, что это был тот же самый, что являлся и Люцию и предсказывал победу над Митридатом. Опять же спрашивается: почему боги спешили сообщать о таких якобы благополучиях, ничем при этом не содействуя исправлению самого Суллы, который своими злодейскими междоусобными войнами причинил столько зла, не только осквернившего, но и совершенно уничтожившего республику? Поистине, то были демоны, как я уже не раз говорил и о чем ясно свидетельствуют божественные Писания, и сами дела их явствуют, что единственной их целью было добиться того, чтобы их почитали как богов и совершали в их честь такие вещи, за которые совершавшие их вместе с ними получили бы одинаковое наказание на суде Божиим.

Потом, когда Сулла прибыл в Тарент и приносил там жертву, он увидел в верхней части телячьей печени подобие золотой короны. Тот же гаруспик Постумий сказал, что это предзнаменование предвещает Сулле славную победу, и велел ему одному съесть все внутренности. Немного спустя раб какого-то Люция Понтия прокричал в пророческом исступлении: «Я иду вестником от Беллоны; Сулла, победа твоя!» Затем он прибавил, что Капитолий сгорит. Капитолий действительно сгорел. Конечно, демону не составляло труда предусмотреть это и тотчас возвестить. Но обрати внимание на то, под властью каких богов хотелось бы жить тем, которые хулят Спасителя, избавляющего верных от владычества демонов. Человек прокричал: «Сулла, победа твоя», и что-

бы поверили, что он кричит по внушению божественного духа, возвестил и нечто такое, что должно было вскоре совершиться и действительно совершилось. Но, однако же, он не прокричал: «Сулла, удержишь от злодеяний», от тех ужасных злодеяний, которые, одержав победу, совершил тот, кому в телячьей печени привиделась золотая корона.

Если бы подобные знаки подавали справедливые боги, а не нечестивые демоны, они скорее бы указали на какое-нибудь гнусное и вредное для самого Суллы будущее зло. Ибо победа эта не столько возвысила его достоинство, сколько погубила: она была причиной того, что, возгордившись и предавшись удовлетворению своих неумеренных желаний, он в большей степени нравственно погиб сам, чем телесно уничтожил своих врагов. Об этих поистине печальных и плачевных вещах их боги не возвещали ни во внутренностях жертвенных животных, ни через авгуров, ни во сне или пророчестве. Ибо они больше боялись того, как бы он не исправился, нежели того, как бы он не остался побежденным. Они даже специально старались, чтобы, став торжествующим победителем сограждан, но побежденный и плененный гнусными пороками, он через это еще более рабски подчинился нечистым демонам.

Глава XXV

До какой степени лукавые духи подстрекают людей к постыдным делам, когда в своем примере дают им на совершение злодеяний как бы божественное уполномочение

Кто не поймет, кто не усмотрит (кроме того, конечно, кто предпочитает подражать именно таким богам вместо того, чтобы постараться с помощью благодати Божией устраниться от общения с ними), до какой степени эти лукавые духи стараются своим примером дать как бы божественные полномочия на совершение злодейств, когда на одной обширной равнине Кампании, где вскоре после описанных событий разгорелась жестокая битва гражданской войны, они еще до сражения сами вступили в битву друг с другом? Сперва на том месте был слышен страшный гул, а затем, как рассказывали многие очевидцы, в течение нескольких дней там как бы сражались два войска. А когда сражение прекратилось, там остались следы множества людей и лошадей. Итак, если божества действительно сражались между собою, то этим они как бы вполне извиняли и оправдывали гражданские войны.

Но заслуживает внимания коварство и ничтожность таких богов. Представляясь сражающимися, они делали это лишь для того, чтобы римляне, ведя междоусобную войну, не ка-

зались сами себе совершающими преступление. Ибо гражданские войны тогда уже начались и произошло уже несколько святотатственных кровопролитий в достойных проклятия битвах. Многие были потрясены и ужаснулись, когда один воин, обирая труп убитого им врага, обнаружил, что это был его брат, и тогда он, прокляв гражданские войны, тут же умертвил себя. И вот, чтобы подобное зло впредь не вызывало отвращения, а напротив того, жажда к злодейским кровопролитиям час от часу все сильнее разгоралась, демоны, которых они почитали и которым поклонялись как богам, решили явиться людям в виде как бы сражающихся друг с другом, дабы человеческое злодейство находило извинение себе в этом якобы божественном примере. С таким же лукавством некогда злые духи повелели ввести в состав религиозных действий и посвятить им гнусные игры – о чем я говорил уже выше, – игры, в которых подобные злодеяния богов прославлялись театральными песнями и драматическими действиями, так что всякий, независимо от того, верил ли он, или нет, что боги совершали подобные злодеяния, видел, однако же, что они желали, чтобы им показывали такие вещи и таким образом как бы их одобряли. А чтобы кто-нибудь не подумал, будто поэты, упоминая о том, что боги сражались друг с другом, скорее возводили на них хулу, чем приписывали им нечто достойное, они с целью обольщения подтвердили сказания, представив глазам людей свои битвы не только на сцене, но и самолично в открытом поле.

Мы вынуждены были указать на это, ибо их же собственные писатели отнюдь не стеснялись говорить, что Римская республика вследствие крайне испорченных нравов граждан погибла еще прежде и не сохранилась до пришествия Господа Иисуса Христа. Эту гибель ее они не ставят в вину своим богам, а зло преходящее, от которого добрые, живут ли они или умирают, погибнуть не могут, они ставят в вину нашему Христу! Между тем Христос дал многочисленные заповеди в пользу наилучших нравов и против разврата, а их боги никакими заповедями чтившему их народу не сделали ничего, что могло бы предотвратить гибель республики; более того, своим примером они усугубляли порчу, содействуя этой гибели. Думаю, никто не осмелится утверждать, что она погибла в то время потому, что

Храмы оставивши и алтари, удалились боги

как друзья, мол, добродетелей, оскорбленные людскими пороками. Что боги были налицо, это доказывается множеством бывших тогда предзнаменований во внутренностях животных, в полете птиц, в прорицаниях, в которых они с великим удовольствием выставляли себя предузнающими будущее и помощниками в сраженьях. Не будь всего этого, собственные страсти римлян не возбудили бы последних к гражданским войнам до такой степени, как демонские подстрекательства.

Глава XXVI

О тайных демонских наставлениях, относящихся к доброй нравственности, параллельно тому, как открыто в их религиозных установлениях люди учились всякому распутству

Если это так, если явно выставлялись безобразия, соединенные с жестокостью, позорные дела и преступления божеств, действительные или вымышленные, выставлялись по их же требованию и под угрозой гнева в случае невыполнения этого требования, — даже в определенные ими и установленные дни праздников, посвященных им; если все это совершалось для ведома и на глазах всех, как предлагаемое для подражания, то какое значение имело при этом то, что эти же самые демоны, выдававшие себя во всем этом как нечистых духов, — какое значение имело то, что те же самые демоны внутри своих святилищ и в недоступных для народа тайниках давали некоторые добрые наставления относительно нравов какому-либо из посвященных им лиц, как бы людям избранным? Если все происходило именно так, то это еще более свидетельствует об их коварстве. Ибо сила добра и нравственной чистоты такова, что все или почти все люди относятся к ней с уважением и мало кто доходит до такой степени нравственной испорченности, чтобы потерять всякое чувство благопристойности.

Поэтому коварство демонов преуспевает в обмане не иначе, как если они прикидываются время от времени ангелами света (2 Кор. 11, 14), как о том мы знаем из своих Писаний.

И вот, вне храмов торжественно и громко народам проповедуется грязное беззаконие, а внутри притворно нашептывается немногим чистота; для срама отводятся публичные места, для похвальных дел – укромные тайники; приличие скрыто, безобразие открыто; что делается дурного, делается для всех, что говорится доброго, говорится для немногих: этим как бы дается понять, что честного следует стыдиться, а бесчестным – хвалиться. Где такое возможно, как не в храмах демонов? Где, как не в пристанище лжи? И одно делается для того, чтобы обольстить честнейших, которых немного, а другое – для того, чтобы большинство бесчестных не исправилось.

Где и когда служители Целесты слышали заповеди о чистоте, мы того не знаем. Но перед самым капищем, где водружен этот идол, мы, стекаясь из разных мест, могли наблюдать совершавшиеся игры и, переводя взор, видели в одном месте торжество распутства, в другом – богиню-девственницу; ее коленопреклоненно чтили, и перед нею же совершали непотребство. При этом мы не встречали там ни сколько-нибудь застенчивого мима, ни хоть немного скромной актрисы: все положенные непристойности исполнялись с заслуживающей лучшего применения тщательностью. Таким образом как бы давалось понять, чего хотело девственное божество и

что вразумленная этим матрона должна была вынести с собою домой из храма! Некоторые, более застенчивые, отворачивали лица от гадких телодвижений, представлявшихся на сцене, украдкой изучая искусство бесстыдства. Стыдясь окружающих, они не осмеливались прямо смотреть на совершаемое похабство, однако и не осуждали культ той, которую почитали своим чистым сердцем. В храме открыто преподавалось то, что в домах совершалось тайно, приводя в крайнее смущение тем, что людям было запрещено явно удовлетворять свои бесстыдные желания, которым они должны были с благоговением учиться у богов, причем они знали, что боги разгневаются, если все это не будет выставлено напоказ. Какой иной дух, как не самый нечистый, возбуждает порочные помыслы, подстрекает к прелюбодеяниям и находит удовольствие в подобных религиозных установлениях, водружая в храмах образы демонов, в играх же выводя образы пороков? Втайне он нашептывает о справедливости, чтобы обольстить немногих добрых, а открыто расставляет силки распутства, чтобы держать в своей власти многих дурных.

Глава XXVII

С каким вредом для общественного порядка римляне совершали для умилоствления богов свои непристойные игры

Муж добрый, хотя и плохой философ, Туллий, будучи эдилом, жаловался согражданам, что в числе других обязанностей он должен умилоствовать играми богиню Флору¹⁹; а эти игры, следует заметить, совершались с чем большею надобностью, тем и с большим бесстыдством. В другом месте он, будучи уже консулом, говорит, что при крайне опасных для государства обстоятельствах игры проводились в течение десяти дней и не было забыто ничего, что относилось к умилоствовлению богов²⁰: как будто не полезнее было разозлить таких богов воздержанностью, чем умилоствовать неумеренностью; вызвать вражду благопристойностью, чем смягчить таким безобразием! Мечь их меньше повредила бы людям, чем та испорченность нравов, которую вызывали и поддерживали эти игры. Чтобы отвратить то, чем враг угрожал телам, милость богов привлекалась такими средствами, которыми уничтожалась добродетель в душах. Такое умилоствление подобных божеств, полное необузданности,

¹⁹ Cic., in C. Verrem, lib. VI.

²⁰ Ibid., in Catil., lib. III.

мерзостей, бесстыдства, нелепостей и нечистоты, исполнителей которого врожденное римлянам чувство доблести лишило прав на почетные должности, удалило из триб и признало позорными и бесчестными, – такое, говорю, позорное и противное истинному религиозному чувству умилоствление подобных божеств, – эти соблазнительные и непотребные басни о преступлениях, подлостях, злодействах и гнусных помыслах богов, – все это глазами и ушами публично изучало целое государство: видело, что все это нравится богам, и потому верило, что именно это – пример для подражания, а отнюдь не то, что говорилось (если оно вообще говорилось) немногим и столь секретно.

Глава XXVIII

О спасительности христианской религии

И они еще жалуются, что имя Христово освободило людей от татарского ига этих нечистых властей и преступного сообщества с ними и от этой ночи гибельного бесчестья привело к свету спасительного благочестия! И ропщут, несправедливые и неблагодарные, на то, что народы стекаются в церкви, где слушают, как хорошо они должны проводить эту временную жизнь, чтобы заслужить после нее блаженную и вечную, где с возвышенного места и открыто для всех провозглашается Священное Писание и учение о справедливости, которое те, кто его исполняет, слушают с пользой, а кто не исполняет — с осуждением. Если и появляются там насмешники над подобными заповедями, их дерзость или исчезает вследствие неожиданной в них перемены, или подавляется страхом или стыдом. Ничего дурного или постыдного им не предлагается для созерцания и подражания там, где внушаются заповеди истинного Бога, где повествуется о чудесах Его, где восхваляются Его дары или испрашиваются милости.

Глава XXIX

Увещание к римлянам оставить культ богов

Обратись же к этому, столь богато одаренный природой римский народ, потомство Регулов, Сцевол, Сципионов, Фабрициев! Обратись и предпочти это гнусной пустоте и коварной злонамеренности демонов. Если даровано тебе природой что-либо прекрасное, оно очистится и усовершенствуется посредством истинного благочестия; бесчестие же его погубит, навлечет на него наказание. Так выбирай же теперь, чему следовать, чтобы слава твоя имела опору не в тебе самом, а в истинном Боге. Тебе была некогда присуща такая слава, но истинной религии у тебя не было. Пробудись, ибо настал день: пробудись, как пробудились уже лучшие из твоих сынов, чьи доблесть, страдания и даже смерть за истинную веру приобрели нам настоящее отечество. В это отечество мы зовем и тебя и убеждаем присоединиться к числу его граждан. Не слушай своих вырожденцев, отвлекающих тебя от Христа и жалующихся на якобы дурные времена: они желают таких времен, которые не столько обеспечивали бы спокойствие жизни, сколько безопасность их распутства. Но ты ведь сам никогда не одобрял этого и в земном своем отечестве. Теперь же овладевай небесным, потрудись для него и будешь царствовать в нем истинно и вечно. Там уже не очаг

Весты, не камень Капитолия, а единый и истинный Бог «не укажет границ власти, не положит предела времени, но даст господство без конца»²¹.

Не ищи более своих ложных и лживых богов, брось их и иди к нам, чтобы обрести истинную свободу. Они не боги, а злые духи, для которых твое вечное блаженство – казнь. Не столько Юнона завидовала троянцам, от которых ты выводишь свое плотское происхождение в холмах римских²², сколько эти демоны, которых ты считаешь богами, завидуют всему роду человеческому в его вечных обителях. Ты и сам осудил их, когда, умиловляя их играми, совершавших эти игры отнес к разряду бесчестных. Докажи же свою свободу от этих бесчестных духов, наложивших на тебя обязанность посвящать им и праздновать их позорные дела. Прекрасно, что ты по собственному усмотрению не захотел признать гражданских прав за гистрионами и лицедеями; отрезви свою мысль еще более: божественное величие никоим образом не может умиловляться такими искусствами, которые оскорбляют человеческое достоинство. Каким же образом ты можешь думать, что в числе небесных Властей могут быть подобные боги? Вышний град, где победа – истина, где достоинство – святость, где мир – блаженство, где жизнь – вечность, несравненно знатнее тебя. Тем более он не может иметь в своей среде таких богов, если ты постыдился иметь у

²¹ Virg. *Aeneid.*, lib. I, v. 278–279.

²² Ibid.

себя таких граждан. Поэтому, если хочешь достигнуть блаженного града, избегай сообщества демонов. Позорно честным людям почитать тех, которые умилоствуют людьми бесчестными. Пусть христианское очищение так же удалит их от твоего благочестия, как отстранила от тебя последних цензорская отметка.

О благах же телесных, которыми одними желают наслаждаться дурные люди, и о зле телесном, которого одного не желали бы они терпеть, о том, что и в отношении этого демоны не имеют той власти, которая им приписывается (хоть, впрочем, если бы они ее и имели, мы должны были бы скорее презирать все это, чем ради этого почитать их, и, почитая, лишаться возможности достигнуть того, в чем они нам завидуют), – об этом мы поговорим после, чтобы сейчас закончить настоящую книгу.

Книга третья

Как в предыдущей книге бл. Августин говорил о зле нравственном и духовном, так в настоящей рассуждает о бедствиях телесных и внешних, показывая, что римляне от самого основания Рима постоянно терпели их, и что к отвращению этого рода зла ничего не сделали ложные боги, хотя до пришествия Христова они были почитаемы свободно.

Глава I

*О тех бедствиях, которых боятся одни дурные люди
и которые всегда терпел мир, пока читил богов*

Думаю, что относительно зла нравственного и духовного, которого особенно следует остерегаться, мною сказано уже достаточно: ложные боги нисколько не старались помочь почитавшему их народу освободиться от массы зол этого рода, но, напротив, заботились о том, чтобы масса эта давила его как можно более. Теперь нахожу нужным сказать о тех бедствиях, которых они ни при каких обстоятельствах не желают терпеть, каковыми являются: голод, болезни, войны, потеря имущества, плен, насильственная смерть и другие подобного же рода, о которых мы вскользь упомянули в первой книге. Ибо только эти бедствия, которые не делают людей злыми, злые единственно и считают злом; и при наличии тех благ, которые они полагают благами, сами они не стыдятся оставаться злыми; более того, они скорее бывают недовольны плохой удачей, чем дурною жизнью. Как будто величайшее благо для человека состоит в том, чтобы иметь все хорошее, за исключением себя самого! Но и от этого рода зол, которых они единственно страшатся, не охранили их боги в то время, когда были открыто почитаемы ими.

Когда в разные времена и в различных местах до пришествия нашего Искупителя род человеческий стирался с ли-

да земли бесчисленными и иногда даже невероятными бедствиями, разве других, а не этих богов чтит мир, за исключением одного народа, еврейского, и некоторых отдельных лиц вне этого народа, которых божественная благодать и таинственный и справедливый суд Божий находили где-либо того достойными? Чтобы не заходить слишком далеко, умолчу даже о наиболее тяжких бедствиях других народов. Буду говорить лишь о том, что касается Рима и Римской империи, т. е. о том, что претерпел до пришествия Христова собственно сам город и те области, которые были соединены с ним в качестве союзных или покоренных силой оружия и входили как бы в тело его республики.

Глава II

Имели ли причины допустить разрушение Илиона эти боги, которых одинаково чтили и римляне и греки

Во-первых, из-за чего была побеждена, взята и разрушена греками сама Троя, или Илион, откуда выводит свое происхождение римский народ, — Троя, имевшая и чтившая тех же самых богов (не нахожу возможным обойти молчанием то, чего коснулся уже в первой книге)? Говорят, что Приам понес наказание за клятвопреступление своего отца Лаомедонта²³. В таком случае верно то, что Аполлон и Нептун служили у того самого Лаомедонта по найму. Ибо рассказывают, что он обещал им щедро оплатить их работу и обманул. Удивляюсь, каким образом Аполлон, названный предсказателем, столько работал, не зная, что Лаомедонт откажется исполнить обещанное. Впрочем, и самому Нептуну, дяде его, брату Юпитера и царю морей, не к лицу было не знать будущего. Ведь представляет же его Гомер предсказывающим нечто великое относительно поколения Энея, потомками которого построен Рим, хотя поэт жил, как говорят, до основания Рима²⁴; Нептун даже уносит в облаке этого Энея, чтобы, как сам же говорит, он не был убит Ахиллом, в то время как Неп-

²³ Virg. *Georg.*, lib. I.

²⁴ Hom. *Il.* II.

тун желал ниспровергнуть построенные его же руками стены клятвопреступной Трои. Об этом рассказывается у Вергилия²⁵.

Итак, такие боги, как Нептун и Аполлон, вольно или невольно строили троянские стены, не зная, что Лаомедонт откажется заплатить им. Пусть же вникнут, не более ли тяжкий грех веровать в таких богов, чем нарушить клятву, данную таким богам? Сам Гомер не особенно верил последнему: потому что, представляя Нептуна сражающимся против троянцев, он Аполлона выводит сражающимся за троянцев; хотя басня рассказывает, что они оба были оскорблены клятвопреступлением. Итак, если они этим басням верят, пусть стыдятся иметь таких богов; а если не верят, пусть не ссылаются на троянское клятвопреступление; или пусть объяснят ту странность, что боги троянские клятвопреступления наказывали, а римские – любили. Ибо откуда бы иначе заговор Катилины приобрел в таком обширном и столь развращенном городе такую массу сторонников, «руки и язык которых питали клятвопреступлением и кровью сограждан»²⁶. А столько сенаторов, судивших не по совести, а весь народ на выборах и в других делах, которые решались на его собраниях, чем другим они согрешили, как не клятвопреступлением? При крайнем развращении нравов древний обычай клятвы сохранялся не для того, чтобы удерживать от злодей-

²⁵ Virg. *Æneid.*, lib. V, v. 810–811.

²⁶ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 14.

ства страхом религии, а для того, чтобы к другим злодействам прибавлять и клятвопреступления.

Глава III

Богов не могло оскорбить прелюбодеяние Париса, потому что, по рассказам, оно часто случалось и между ними самими

Итак, если боги, которыми, как говорят, держалось то государство, оказываются побежденными более сильными греками, то нет причины представлять их разгневанными клятвoprеступлением троянцев. Не рассердило их и до такой степени, что они могли оставить Трою, и прелюбодеяние Париса, как стараются нам представить некоторые их защитники. Ибо они привыкли быть пособниками и учителями грехов, а не мстителями за них. «Город Рим, как я слышал, – говорит Саллюстий, – основали и удерживали за собою первоначально троянцы, которые, бежав под предводительством Энея, бродили туда и сюда без определенного пристанища»²⁷. Поэтому, если бы боги считали нужным отомстить за прелюбодеяние Париса, божественная кара скорее всего обнаружилась бы на римлянах или, по крайней мере, в том числе и на римлянах, ибо прелюбодеяние совершила и мать Энея. Действительно, на каком основании они отнеслись бы немилостиво к постыдному делу того (Париса), если относились милостиво к прелюбодеянию своей подруги Венеры, совер-

²⁷ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 6.

шенному ею (не говоря о других) с Анхизом, от которого она родила Энея? Уж не на том ли, что первое было совершено при негодовании на него со стороны Менелая, а последнее – с согласия Вулкана? Боги, полагаю, не ревнуют своих жен до такой степени, что считают приличным делить их благосклонность даже с людьми.

Но, пожалуй, подумают, что я смеюсь над баснями, а не рассуждаю серьезно о предмете такой важности. Итак, не будем, если угодно, верить тому, что Эней был сыном Венеры. Я сделаю эту уступку, если и Ромул не был сыном Марса. Если одно, то почему бы и не другое? Или богам дозволительно вступать в связь со смертными женщинами, а мужчинам с богинями – не дозволено? Условие неприятное или, скорее, невероятное: что с соизволения Венеры было можно Марсу, того нельзя было самой Венере. Но то и другое одинаково подтверждается римскими документами. Позднейший Цезарь так же верил тому, что его бабкой была Венера, как и древнейший Ромул тому, что отцом его был Марс.

Глава IV

О мнении Варрона, считавшего полезным, чтобы люди выдумывали, будто они рождены от богов

Кто-нибудь скажет: «Неужели ты этому веришь? Лично я этому не верю». Действительно, и ученейший муж их Варрон, хотя и не решительно и не с полной уверенностью, все же признает все это ложным. Однако он считает полезным для государства, чтобы выдающиеся люди считали себя рожденными от богов, даже если это было и ложью: чтобы в силу этого дух человеческий, питая, так сказать, самоуверенность божественного отпрыска, смелее приступал к совершению великих дел, с большей горячностью вел их и счастливее, в силу самой уверенности, выполнял. Видишь сам, какое обширное место открывает лжи это мнение Варрона, которое я, как сумел, высказал своими словами. Поймем же, что очень многое священное и как бы религиозное могло быть вымышлено там, где ложь о самих богах считалась полезной для граждан.

Глава V

*Нет доказательств, что боги наказали
прелюбодеяние Париса, если не отместили за
прелюбодеяние матери Ромула*

Вопрос о том, могла ли Венера от совокупления с Анхизом родить Энея или Марс от совокупления с дочерью Нумитора родить Ромула, оставим открытым. Такой же почти вопрос возникает и при чтении наших Писаний. Спрашивают: не преступные ли ангелы смешались с дочерьми человеческими (Быт. 6, 4), и рожденными от этого гигантами, т. е. людьми чрезвычайного роста и силы, в известное время наполнилась земля? Наше рассуждение может одинаково относиться к тому и другому.

Итак, если верно то, что у них написано относительно матери Энея и отца Ромула, то почему бы богам могли не нравиться прелюбодеяния человеческие, когда себе самим они их дозволяли?

А если ложно, то и в таком случае не могут приходить в гнев от действительных человеческих прелюбодеяний те, которые услаждаются своими, пусть даже и вымышленными. Кроме того, если одно невероятно относительно Марса, как другое – относительно Венеры, то преступление матери Ромула не находит себе оправдания ни в каком божественном совокуплении. Ведь Сильвия была жрицею Весты,

и потому боги за ее святотатственное преступление должны были бы отомстить римлянам гораздо строже, чем мстили троянцам за прелюбодеяние Париса. Сами древние римляне обличенных в прелюбодеянии жриц Весты зарывали в землю даже живыми, между тем как прелюбодействовавших женщин, хотя и наказывали известным образом, смертной казни не подвергали; до такой степени они строже охраняли неприкосновенность божественной святыни по сравнению с неприкосновенностью ложа человеческого.

Глава VI

*О братоубийстве Ромуловом, за которое боги не
отмстили*

Прибавлю еще следующее: если эти боги были до такой степени недовольны человеческими преступлениями, что, оскорбившись поступком Париса, предали оставленную ими Трою огню и мечу, то убитый брат Ромула должен был бы еще более вооружить их против римлян, чем оскорбленный греческий супруг вооружил против троянцев; братоубийство рождающегося государства должно было бы разгневать более, чем прелюбодеяние бывшего уже в силе. Для вопроса, которым мы занимаемся в данном случае, не имеет особой важности – велел ли Ромул сделать это или сделал сам; что многие с бесстыдством отрицают, многие из чувства стыда подвергают сомнению, многие же из чувства сожаления обходят молчанием.

Мы не будем останавливаться на более тщательном исследовании проверенных уже свидетельств об этом предмете многих писателей. Несомненно, что брат Ромула был убит, и убит не врагами, не чужеземцами. Совершил ли или только приказал это совершить Ромул, во всяком случае, он был в большей степени главою римлян, чем Парис – троянцев. Почему же тот похититель чужой жены навлек на троянцев гнев богов, а этот убийца своего брата привлек римлян под

покровительство тех же самых богов? Если же и делом, и повелением Ромул был чужд этого злодейства, то, поелику оно все равно должно было быть отмщено, его совершил весь этот город, так как весь город не обратил на него внимания; и убил он уже не брата, но что еще преступнее – отца. Ибо тот и другой были основателями города, в котором одному из них злодейски причиненная смерть не позволила царствовать. По моему мнению, нельзя указать ничего такого дурного, в результате чего Троя заслужила бы, чтобы боги оставили ее и она подверглась вследствие этого разрушению, и ничего такого доброго, чем заслужил бы Рим, чтобы боги в нем обитали и он вследствие того возвышался, кроме разве того, что боги от тех убежали, будучи побеждены, и перебрались к этим, чтобы и их так же точно обольстить. Впрочем, они остались и там, чтобы по обычаю своему обольщать тех, которые снова населили те самые области; и здесь, придав своему искусству обмана куда больший блеск, приобрели еще больший почет.

Глава VII

*О разрушении Илиона, уничтоженного Фимбрием,
возждем Мариевым*

Затем, что дурного сделал Илион уже во время гражданских войн, что был разрушен Фимбрием, негоднейшим человеком из сторонников Мария, – разрушен с куда большим зверством и жестокостью, чем в древнее время греками? Тогда ведь многие ушли из него, а многие, попав в плен, остались, по крайней мере, живы, хотя и были обращены в рабство. Фимбрий же начал с обнародования эдикта, которым предписывал не щадить никого, и сжег весь город и всех людей в нем. Этим отплатили Илиону не греки, которых он вывел из терпения своей несправедливостью, а римляне, ради усиления которых он жертвовал своим благосостоянием, и общие боги ничем не помогли, а вернее, ничем не могли помочь для предотвращения этого. Неужели и тогда боги, которыми держался этот город после восстановления его после нашествия древних греков из пепла и развалин, ушли, оставив храмы и алтари? Если действительно ушли, ищу на то причины; и нахожу, что граждане настолько же поступили со своей стороны лучше, насколько боги – хуже. Те закрыли ворота перед Фимбрием, чтобы удержать город во власти Суллы: за это Фимбрий, разгневавшись, истребил, или, точнее, совершенно стер их с лица земли. А Сулла в то время

стоял еще во главе лучшей части граждан, прилагал старание еще к восстановлению республики силой оружия: благим начинаниям своим он не давал еще дурного исхода. Могли ли граждане этого города поступить лучше, честнее, добросовестнее и достойнее своего родства с римлянами, чем поступили они, сохраняя город для лучшей части римлян и запирая ворота перед убийцей Римской республики?

Пусть же защитники богов обратят внимание на то, как послужило это к их гибели. Пусть боги оставили прелюбодеев и предоставили Илион огню греков, чтобы из пепла его родился более целомудренный Рим, но зачем же они потом оставили тот же самый город, когда он был родственным римлянам, не восставал против благородного детища своего, Рима, а сохранял с величайшим постоянством и добросовестностью верность честнейшей его части, и дозволили разрушить его не храбрым греческим мужам, а подлейшему человеку из римлян? Или богам не нравилось дело сторонников Суллы, для которого несчастные хотели сохранить город, закрыв ворота? Но в таком случае зачем же они обещали и предсказывали тому же самому Сулле столько доброго? Или и в этом случае они показывают себя скорее льстецами счастливым, чем защитниками несчастных? Ибо и в это время Илион не потому был разрушен, что был ими оставлен. Демоны, в высшей степени старательные во всем, что касается обольщения, сделали со своей стороны все, что могли. В ту пору, когда все статуи богов были разрушены и сожжены

вместе с городом, одна статуя Минервы, как пишет Ливий, оказалась стоящей в неповрежденном виде под развалинами ее храма. Не для того, конечно, случилось это, чтобы к чести их можно было сказать, что они-де боги отеческие, под покровительством которых Троя находится всегда, а для того, чтобы нельзя было сказать в их защиту: «Оставив-де храмы и алтари, ушли все боги». Им дана была возможность сделать не то, что могло бы служить доказательством их могущества, а то, что послужило доказательством их присутствия.

Глава VIII

*Следовало ли верить Рим на сохранение богам
илионским*

На каком же разумном основании после опыта несчастной Трои вверен был богам илионским на сохранение Рим? Кто-нибудь скажет, что они уже обитали в Риме в то время, когда Фимбрий, овладев Илионом, разрушил его. В таком случае почему устояла статуя Минервы? Затем, если они были в Риме в то время, когда Фимбрий разрушил Илион, то, вероятно, они были в Илионе в то время, когда сам Рим был взят и сожжен галлами; но так как они владеют весьма острым слухом и быстротою движений, то быстро на крик гусей вернулись назад, чтобы сохранить, по крайней мере, Капитолий, который остался целым; для того же, чтобы защитить прочее, их уведомили поздновато.

Глава IX

Следует ли думать, будто тот мир, которым отличалось царствование Нумы, был дарован богами

Думают, будто благодаря их помощи Нума Помпилий, преемник Ромула, пользовался миром во все время своего царствования и закрыл двери храма Януса, стоявшие обычно открытыми во время войн; и это якобы в награду за то, что он установил для римлян многие священные обряды. Человек этот заслуживал бы благодарности за подобный мир, если бы сумел воспользоваться им для дел полезных и, оставив пытливость вреднейшего свойства, с истинным благочестием искал Бога истинного. При данных же условиях не боги дали ему этот покой; но возможно, что они успели бы менее обольстить его, если бы нашли его менее спокойным. Чем менее нашли они его занятым, тем более успели занять его сами. Варрон сообщает о том, что было им сделано и с помощью каких средств он сумел вступить в общение с подобными богами сам и вовлечь в это общение весь город. Если Господу будет угодно, мы поговорим об этом подробнее в своем месте.

В настоящем же случае, так как речь идет об их благодеяниях, заметим, что мир — это действительно великое благодеяние, но по большей части, как и солнце, как дожди, как и другие полезные для жизни вещи, благодеяние Бога истин-

ного неблагодарным и негодным. Если же это великое благо доставили Риму или Помпилию те боги, то почему они потом никогда не доставляли его государству римскому, причем даже в более заслуживавшие похвал времена? Или священные обряды более были полезны в то время, когда устанавливались, чем в то, когда совершались? Но ведь тогда их еще не было, они только вводились для того, чтобы были; потом же они уже были и соблюдались, чтобы приносить пользу. Что же это значит, что те сорок три года или, по другим источникам, тридцать девять лет царствования Нумы были проведены в таком продолжительном мире, а потом, когда священные обряды были установлены и сами боги, привлеченные именно этими обрядами, явились защитниками и хранителями, — потом, в течение долгого периода времени от основания Рима до Августа, едва упоминается, как великое чудо, один год после первой Пунической войны, в который римляне смогли закрыть двери храма Януса.

Глава X

Следовало ли желать, чтобы государство римское разрасталось посредством таких жестоких войн, когда оно могло быть и спокойным, и безопасным, следуя той политике, посредством которой усилилось при Нуме

Ответят разве, что государство-де римское не могло бы разрастись так широко и приобрести такую огромную славу, если бы не вело постоянных, непрерывно следовавших одна за другою войн? Нечего сказать, уважительная причина! Зачем же государству, чтобы стать великим, не иметь покоя? Разве в том, что касается тела человеческого, не лучше иметь средний рост в придачу к здоровью, чем достигнуть каких-либо гигантских размеров посредством постоянных мучений и по достижении не успокоиться, а подвергаться тем большим бедствиям, чем громаднее будут члены? Неужели было бы плохо, если бы продолжались те времена, которые очертил Саллюстий, говоря: «Итак, вначале цари (ибо таково сперва было название земных властей), придерживаясь различных мнений, одни давали образование уму, другие – телу: в то время люди жили, еще не увлекаясь страстью корыстолюбия, и всякий был доволен своим»?²⁸

Неужели для такого расширения государства следовало

²⁸ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 2.

быть тому, что проклинает Вергилий, говоря:

Но постепенно сменило их время худое,
Бешенство войн, неумная жажда наживы?²⁹

Правда, учиняя и ведя такое множество войн, римляне имели достаточное оправдание в том, что, когда на них нагло нападали враги, их вынуждала сопротивляться не жадность к славе, а необходимость охраны собственного благосостояния и свободы.

Пусть это и так; «ибо, — как пишет тот же Саллюстий, — когда государство их, ставшее сильнее благодаря законам, нравам и расширению владений, казалось достаточно счастливым и достаточно могущественным, благосостояние его, как это по большей части бывает у людей, возбудило зависть. И вот соседние цари и народы стали враждебно нападать на них, а из друзей немногие подавали им помощь. Остальные, поддавшись страху, устранялись от опасностей. Но римляне, одинаково преданные делам внутренним и военным, не теряли времени, вооружались, воодушевляли друг друга и шли навстречу врагам, защищая оружием свободу, отчизну и родителей. Потом, когда своею доблестью они устранили угрожавшие им опасности, они помогали своим союзникам и друзьям и снискали дружбу не столько получая сами, сколь-

²⁹ Virg. *Aeneid.*, lib. VIII, v. 326–327.

ко оказывая благодеяния другим»³⁰.

При таком образе действий возвышение Рима было вполне заслуженным. Но в царствование Нумы, когда так долго продолжался мир, нападали ли на него и вызывали ли его на войну недобросовестные соседи; или ничего такого не было, и потому мир этот не нарушался? Ведь если на Рим нападали и в то время, но оружию не было противопоставлено оружие же, то как делалось тогда, что враги останавливались, не будучи побеждены ни в одном сражении, не будучи уstraшены никаким воинственным натиском, так же точно могло делаться и всегда, и всегда Рим царствовал бы при закрытых дверях Януса. Если же это было невозможно, то Рим пользовался миром не до тех пор, пока того хотели его боги, а до тех, пока того хотели окружавшие его с той или иной стороны люди, которые не вызывали его на войну; или боги этого рода дерзнут представлять человеку как идущее от них и то, чего желает или не желает другой человек?

То, пожалуй, верно, что демонам дозволяется уstraшать или возбуждать злые души; но важно то, насколько это дозволяется. Если бы они всегда могли это делать и высшая таинственная сила не делала многого вопреки их усилиям, они имели бы всегда в своей власти и мир, и военные успехи, так как последние почти всегда зависят от возбуждения человеческих душ; но что по большей части они бывали вопреки их воле, об этом говорят не только басни, рассказывающие

³⁰ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 6.

много ложного и совсем немного истинного, но и сама римская история.

Глава XI

О статуе Аполлона Кумского, плач которой был признан за указание поражения греков, которым помочь Аполлон не мог

Ведь не по другой какой-либо причине плакал, как рассказывают, в продолжение четырех дней известный Аполлон Кумский во время войны против ахеев и царя Аристоники. Встревоженные этим необыкновенным явлением гаруспики полагали, что статую следовало бросить в море; но вмешались в дело старики и сообщили, что подобное же явление было замечено и во время войны Антиоха и Персея, и так как дело окончилось счастливо для римлян, то по определению сената, говорили они, этому же самому Аполлону были присланы дары. Тогда вновь призванные, якобы более сведущие, гаруспики ответили, что плач Аполлона – счастливое предзнаменование для римлян: потому что кумская колония – колония греческая, и плач Аполлона указывает на бедствие и поражение тем родным ему странам, откуда он принесен, т. е. самой Греции. Вслед за тем была получена весть, что царь Аристоник был побежден и взят в плен; хотя Аполлон отнюдь не желал, чтобы он был побежден, скорбел о том и выказывал это даже слезами, которые текли из его камня. Поэтому не кажутся нелепыми обычаи демонов, которые описываются в стихах поэтов, хотя и сказочных, но

похожих на истину. У Вергилия, например, Диана скорбит о Камилле и Геркулес оплакивает смерть Палланта.

Поэтому, быть может, и Нума Помпилий, наслаждаясь миром, но не зная и не доискиваясь, кому этим миром обязан, когда размышлял на досуге о том, каким богам вверить на сохранение римское благосостояние и царство, – и с одной стороны не думал, чтобы Бог высочайший, истинный и всемогущий помышлял об этих земных вещах, а с другой – припоминал, что троянские боги, привезенные Энеем, не смогли надолго сохранить ни царства Троянского, ни Лавинийского, основанного самим Энеем, – пришел к заключению, что следует запастись другими, присоединив их к прежним (перешли ли они в Рим вместе с Ромулом или могли перейти в него потом, когда была разрушена Альба) или в качестве стражей, как к способным бежать при первой же опасности, или в качестве помощников, как к слабосильным.

Глава XII

*О множестве богов, которое римляне добавили себе
сверх установленных Нумою и которое, однако же,
ничем им не пособило*

Рим, однако же, не нашел возможным довольствоваться и этими святынями, которых немало установил ему Помпий. Так, он не имел еще важнейшего из храмов, храма Юпитера. Капитолий построил в нем царь Тарквиний. А из Эпидавра привлек к себе сердца Рима Эскулап, чтобы в качестве наиболее сведущего врача заниматься в знаменитейшем городе своим искусством с большею славой. Явилась из какого-то Пессинунта и мать богов. Ибо неприлично же было, чтобы в то время, когда сын ее управлял уже капитолийским небом, сама она скрывалась бы в столь незначительном месте. Будучи же матерью всех богов, она не только пришла в Рим вслед за некоторыми из своих сыновей, но и шла впереди других, которые вскоре последовали за нею. Желал бы я только знать, она ли родила Кинокефала, который уже гораздо позже пришел из Египта? От нее ли родилась и богиня Лихорадка – это пусть решит правнук ее, Эскулап. Но от кого бы они ни родились, думаю, что чужеземные боги не осмелятся назвать ее низкой по происхождению, ее – богиню и римскую гражданку!

Поставленный под охрану стольких богов (богов, которых

и пересчитать нельзя: туземных и чужеземных, небесных, земных, подземных, морских, родниковых, речных и, как говорит Варрон, известных и неизвестных; богов разного рода, как животных, так и мужчин и женщин), – поставленный, говорю, под охрану стольких богов, Рим не должен был бы претерпеть и выстрадать столько великих и ужасных бедствий, из множества которых я напому лишь некоторые. Высоко поднимавшимся дымом своих курений, как бы нарочито поданным знаком, он собрал для своей охраны чрезвычайное множество богов: но, устанавливая им храмы, алтари, жертвоприношения и священство, он оскорблял высочайшего и истинного Бога, Которому одному должны были принадлежать эти обряды религиозного почитания. И хотя при меньшем количестве богов он жил счастливее, однако решил, что насколько он увеличился сам, настолько же ему нужно увеличить и количество их, как матросов на корабле. Полагаю, что он не понадеялся, чтобы малое их число, при котором он в сравнительно худших условиях жил лучше, было достаточным для поддержания его величия. Но уже и при самих царях, за исключением Нумы Помпилия, о котором я говорил выше, до какой степени достигло зло враждебного разногласия, если довело до убийства брата Ромула?

Глава XIII

*На основании какого права и на каких условиях
римляне с Юпитером в свое благоволение*

Каким же образом ни Юнона, принявшая впоследствии вместе с Юпитером под свое покровительство

Римлян, вселенной хозяев, тоги носящий народ³¹,

ни даже Венера, родная потомству Энея, не были в состоянии помочь римлянам получить жен честным и мирным путем, и они оказались в таком затруднительном положении, что похитили их коварным образом и вслед за тем вынуждены были сражаться с тестями; так что несчастные женщины, не успевшие еще привязаться к мужьям, совершившим над ними насилие, получили от них в качестве брачного дара кровь родителей? Но римляне-де в этом столкновении победили своих соседей. А скольких и каких ран и смертей стоили той и другой стороне подобные победы родных над родными и соседей над соседями? Из-за одного только тестя, Цезаря, и одного зятя, Помпея, когда дочери Цезаря и жены Помпея уже не было в живых, с какою глубокой и справедливой скорбью восклицает Лукан:

³¹ Virg. *Aeneid.*, lib. I, v. 282.

Мы пишем о войнах, что были печальней гражданских,
Когда на полях эмафийских злодейство не знало
границ³².

Да, римляне победили, чтобы с обагранными кровью тещей руками обрести жалкие объятия их дочерей! И последние не смели оплакивать убитых отцов, чтобы не оскорбить победителей-супругов. Даже когда те сражались, они не знали, кому из них желать победы. Такими браками наградила римлян не Венера, а Беллона; или, может быть, Алекто, известная адская фурия, в то время, когда Юнона уже покровительствовала им, имела большую возможность им вредить, чем тогда, когда Юнона возбуждала ее против Энея своими просьбами?³³

Плен Андромахи был счастливее, чем эти римские браки: после объятий ее, хотя и рабских, Пирр не убил никого из троянцев. Римляне же предавали в сражениях смерти отцов после того, как заключили уже в свои объятия на брачном ложе их дочерей. Та, подпав под власть победителя, могла оплакивать уже умерших родных и не бояться за живых; а эти, связанные узами сожительства со сражающимися, боялись смерти своих отцов, когда мужья выступали в поход, оплакивали ее, когда они возвращались, и не могли свободно выражать ни опасений своих, ни скорби. Им приходилось

³² Lucan. *Pharsal.*, lib. I.

³³ Virg. *Aeneid.*, lib. VII, v. 319 et. sqq.

или по чувству родственной любви сокрушаться о гибели сограждан, родственников, братьев, отцов, или, подавив в себе жалость, радоваться победам мужей.

К этому присоединилось и то, что некоторые из них потеряли мужей от оружия отцов, а некоторые – одновременно и отцов, и мужей. Ибо немалым опасностям такого рода подвергались и римляне. Дело дошло до осады Рима, и римляне защищались, закрыв ворота. Когда последние с помощью обмана были открыты и враги проникли за стены, между тестями и зятьями произошло преступное и крайне жестокое сражение на самой городской площади. И вот похитители эти начинали даже терпеть поражение и, во множестве прячась по своим домам, покрывали еще большим позором свои вчерашние победы, и без того постыдные и достойные сожаления. В это время Ромул, не надеясь уже на храбрость своих, попросил Юпитера, чтобы они остановились: после этого события Юпитер и получил имя Статора. Но великому бедствию этому не было бы конца, если бы похищенные женщины не выскочили с распущенными волосами и, припав к ногам отцов, не смягчили их в высшей степени справедливый гнев не победным оружием, а умоляющей любовью. После этого Ромул, не выносивший совместного участия в правлении родного брата, вынужден был принять в соправители царя сабинян, Тита Тация; но мог ли долго терпеть его тот, кто не пожелал терпеть брата и близнеца? Поэтому, умертвив и этого для большего божеского досто-

инства, он стал царствовать один. Что это за брачное право? Что за побуждения к войнам? Что за основания для родства, свойства, сообщества, обожания? Что, наконец, за государственная жизнь под покровительством стольких богов? Видишь сам, сколько всего могло бы быть сказано по этому поводу, если бы наше внимание не устремлялось к тому, что остается впереди, и речь не спешила перейти к другому.

Глава XIV

О нечестивом характере войны, которую римляне начали против альбанцев, и о победе, одержанной страстью господства

А что потом, после Нумы, при других царях? С каким великим бедствием не только для себя, но и для римлян были вызваны на войну альбанцы, – вызваны потому, что слишком долгий мир при Нуме потерял свою цену? Какие частые поражения терпели войска римские и альбанские и до какого бессилия дошли оба государства? Та Альба, которую построил Асканий, сын Энея, и которая была матерью Риму более близкой, чем сама Троя, начала войну, будучи вызвана царем Туллом Гостилием; но, вступив в борьбу, она то была отражена, то отражала сама, пока это бессмысленное и ни к чему не приведшее множество сражений не наскучило обеим сторонам. Тогда решили покончить войну сражением трех братьев-близнецов от каждой из сторон. Со стороны римлян выступили три Горация, со стороны альбанцев – три Куриация. Три Куриация победили и умертвили двух Горациев; но один Гораций победил и убил трех Куриациев. Итак, Рим оказался победителем в последнем сражении, причем из шести живых возвратился домой только один. Кто потерпел урон с обеих сторон? Кому было горе, как не роду Энея, потомкам Аскания, племени Венеры, правнукам Юпитера?

Ведь и эта война была более печальной, чем война гражданская: сражались между собою города, бывшие по отношению друг к другу как дочь и мать.

К последнему сражению трех братьев-близнецов присоединилось и другое жестокое и ужасное зло. Так как оба народа прежде были дружественными (ибо были соседями и родственниками), то с одним из Куриациев была помолвлена сестра Горациев. Когда последняя увидела у брата-победителя отнятое у убитого жениха оружие, то была убита этим же братом и сама за то, что заплакала.

На мой взгляд, чувство одной этой женщины было куда человечнее, чем чувство всего римского народа. Думаю, что ее слезы не были преступны, оплакивала ли она мужа, которого согласно данному слову уже считала своим, или скорбела о брате, который убил его. У самого же Вергилия благочестивый Эней высказывает похвальное чувство скорби о враге, убитом его же собственной рукою. И Марцелл оплакивал Сиракузы, припоминая незадолго перед тем уничтоженное его руками величие их и славу и размышляя о судьбе. Пусть же человеческое чувство не считает преступлением то, что женщина оплакивала своего жениха, убитого ее братом, если для мужчин похвальным было то, что они оплакивали даже врагов, ими побежденных. Итак, когда упомянутая женщина оплакивала смерть жениха, убитого ее братом, в то самое время Рим торжествовал, что нанес такое страшное поражение городу-матери и одержал победу с таким пролити-

ем родственной крови с той и другой стороны.

Зачем выставляют мне на вид так называемую славу и блеск победы? Устранив это прикрытие бессмысленной славы, рассмотрите, взвесьте, обсудите голые факты. Пусть будет указана вина Альбы, как выставлялось на вид прелюбодеяние Трои. Ничего такого, ничего подобного не оказывается; а выставляется лишь одно: что Туллу нужно было призвать к оружию «обленившихся мужей и отвыкшие от триумфов войска»³⁴.

Итак, злодейство гражданской и родственной войны совершилось благодаря тому пороку, которого мимоходом касается Саллюстий. Упомянув с похвалою в нескольких словах древнейшие времена, когда люди проводили жизнь без жадности и каждый был вполне доволен своим собственным, он говорит: «После же, когда в Азии Кир, а в Греции лакедемоняне и афиняне начали покорять города и народы, имея побуждением к войне страсть к господству и считая величайшей славой величайшую власть...»³⁵ и так далее, соответственно ходу его речи. Мне достаточно остановиться на этих его словах. Эта страсть к господству терзает и губит род человеческий великими бедствиями. Побужденный этой страстью, Рим считал в то время торжеством для себя, что он победил Альбу, и рассказы о своем злодействе называл славой. «Ибо нечестивый, – говорит наше Писание, – хвалится по-

³⁴ Virg. *Aeneid.*, lib. VI, v. 813–814.

³⁵ Sallust. *De Catilinæ conjurat.*, cap. 2.

хотью души своей; корыстолюбец ублажает себя» (Пс. 9, 24).

Итак, пусть снимутся с вещей ложные покровы и обманчивые прикрасы, чтобы подвергнуть их беспристрастному суду. Пусть никто не говорит мне, что такой-то и такой-то великий-де человек, потому что сражался с тем-то и тем-то и победил. Сражаются и гладиаторы, и они побеждают; и бесчеловечность этого рода вознаграждается похвалами. Но, по моему мнению, лучше кому бы то ни было понести наказание за бездеятельность, чем добиваться славы их подвигов. И однако же, если бы выступили на арену с целью сразиться между собою такие гладиаторы, из которых один был бы отец, а другой – сын, кто бы это стерпел? Кто не возмутился бы? Каким же после этого образом могла быть славной вооруженная борьба между государствами, из которых одно было матерью, а другое – дочерью? Уж не в том ли была разница, что арена была другая, и куда более обширные поля были покрыты трупами не двух гладиаторов, а множества людей из среды двух народов, и что эти битвы происходили не в стенах амфитеатра, а на глазах всего мира, и нечестивое зрелище давалось и современникам, и потомкам, до которых дошел о нем слух?

Несмотря на это, боги – покровители римской власти допустили жестокость поединка и оставались как бы театральными зрителями подобных сражений до тех пор, пока за трех убитых Куриациев не была братним мечом добавлена к двум братьям третьей с другой стороны сестра Горациев; это, на-

верное, для того, чтобы и Рим, который победил, имел не менее мертвых. Затем в виде выгоды, доставленной победой, была разрушена Альба, где после Илиона, разрушенного греками, и после Лавиния, в котором Эней основал было временное и переходное царство, уже в третьем месте обитали пресловутые троянские боги. Но, может быть, они по обычаю своему уже перекочевали оттуда, и потому Альба была разрушена?

Храмы оставивши и алтари, удалились
Боги, которыми царство держалось?³⁶

В таком случае они удалились уже в третий раз, чтобы получить от предусмотрительных людей под свою охрану четвертый город, Рим. Альба, в которой царствовал Амулий, изгнавший брата, им не понравилась; но Рим, в котором царствовал Ромул, убивший брата, понравился. Но, говорят, прежде чем Альба была разрушена, население ее было переведено в Рим, чтобы из двух городов образовался один. Пусть так. Но все же царственный город Аскания и третье местожительство троянских богов был разрушен дочерним ему городом. А чтобы после войны остатки двух народов свернулись в один жалкий творог, нужно было прежде пролить много крови каждого из них. Я не буду входить в подробности того, сколько раз при последующих царях возоб-

³⁶ Virg. *Aeneid.*, lib. II, v. 351–352.

новлялись те самые войны, которые казались оконченными победами, и как, завершившись новыми и новыми кровопролитиями, после договоров и мира между зятьями и тестями и между их поколением и потомством, они повторялись снова и снова. Ясным признаком этого бедствия было то, что ни один из этих царей не затворил дверей войны. Ни один из них, следовательно, не царствовал мирно при стольких богах-охранителях.

Глава XV

Какова была жизнь и кончина римских царей

А какова была кончина этих царей? О Ромуле рассказывают баснословная лесть, будто он был взят на небо. Рассказывают (о его кончине) и некоторые из писателей, но они утверждают, что он был рассечен на части сенатом за жестокость и что какому-то Юлию Прокулу было поручено распустить слух, будто он явился ему и велел через него римскому народу почитать его в качестве божества; и таким образом народ, начинавший было негодовать на сенат, был остановлен и успокоен. К тому же случилось солнечное затмение. Невежественная чернь, не зная, что оно имело определенную причину в солнечном движении, приписало его заслугам Ромула. Между тем, если бы это затмение было сетованием солнца, по поводу его следовало бы скорее прийти к убеждению, что Ромул убит и что факт злодейства доказывается тем, что дневное светило отвернулось. Так было в действительности в то время, когда был распят Господь из-за жестокости и бесчестия иудеев. Что в последнем случае солнечное затмение случилось не в силу правильного течения планет, достаточно видно из того, что в то время была иудейская Пасха; последняя празднуется в полнолуние, а обыкновенное солнечное затмение бывает только при ущербе луны. Это принятие

Ромула в число богов и Цицерон довольно ясно изображает скорее как предполагаемое, чем как действительное, когда, давая в целом похвальный отзыв о Ромуле, говорит в книгах о республике устами Сципиона: «Он достиг столь много, что, когда после солнечного затмения его неожиданно не оказалось, пришли к заключению, что он перемещен в число богов: подобного мнения о себе никто из смертных никогда не мог внушить другим, если не украшался чрезвычайными добродетелями»³⁷.

В том месте, где Цицерон говорит, что его неожиданно не оказалось, разумеется, конечно, или неистовство бури, или тайное убийство, тайное злодеяние. Ибо другие из их писателей приурочивают к солнечному затмению и неожиданную бурю, которая, несомненно, или дала возможность совершить злодеяние, или сама погубила Ромула.

А о Тулле Гостилии, который был после Ромула третьим царем и был убит молнией, тот же Цицерон и в тех же книгах говорит: «О нем не составилось мнения, что таким родом смерти он был принят в число богов; это, вероятно, потому, что римляне не хотели делать обыкновенным, т. е. незначительным, то, в чем успели убедить относительно Ромула: что случилось бы, если бы они то же самое охотно приписали и другому». В обличительных же речах он говорит открыто: «Мы возвели Ромула в ранг бессмертных богов по благорас-

³⁷ Cic. *De Republ.*, lib. II.

положению к нему и по доброму о нем мнению»³⁸, чтобы показать этим, что этого не было в действительности, а рассказывалось и разглашалось так из благорасположения к нему и ради его доблести. В «Гортензии» же, говоря о подлежащих точным вычислениям затмениях, он замечает: «Темно-та бывает такая же, какая произошла во время убийства Ромула, которое совершилось во время солнечного затмения». На этот раз он не побоялся говорить об убийстве потому, что занимался серьезным исследованием вопроса, а не похвалами.

А остальные цари римского народа, за исключением Нумы Помпилия и Анка Марция, умерших от болезни, какой они имели ужасный конец! Тулл Гостилий, победитель и разрушитель Альбы, был, как я сказал выше, со всем своим домом сожжен молнией. Приск Тарквиний был убит детьми своего предшественника. Сервий Туллий погиб от гнусного злодейства своего зятя Тарквиния Гордого, наследовавшего после него царство. И после такого отцеубийства, жертвою которого стал лучший царь этого народа, не ушли же, оставив храмы и алтари, эти боги, о которых говорят, что они поступили так с несчастной Троей, предоставив ее на разрушение Парису! Напротив того, Тарквиний же и наследовал умерщвленному им тестю. Боги не отступили от этого гнусного преступника, который царствовал благодаря убийству тестя, прославился сверх того многими войнами и победами

³⁸ Cic. *Orat. III, Catilin.*

и построил из военной добычи Капитолий, а напротив того, охраняли все и наблюдали за всем и допустили царя своего Юпитера стать во главе и повелевать собою из этого величайшего храма, т. е. из здания, воздвигнутого отцеубийцей. Ибо дело обстояло не так, что он еще прежде, когда был невинным, построил Капитолий, а потом за преступления был изгнан из Рима; но так, что само царство, в котором построен Капитолий, он получил посредством своего зверского злодеяния.

А что римляне впоследствии лишили его царства и удалили его из стен города, так это за бесчестие, нанесенное Лукреции не им самим, а его сыном, причем не только без его ведома, но даже в его отсутствие. Он осаждал в то время город Ардею и вел войну за римский народ. Что сделал бы он, если бы о мерзком поступке его сына было доведено до его сведения, мы не знаем. Не спросив его мнения и не попробовав обратиться к его суду, народ отнял у него власть, отобрал войско, из которого ему велено было удалиться, и затворил потом ворота, не дозволив ему войти в город, когда он возвращался. Тем не менее он, — после жесточайших войн, которыми, возбудив соседние народы, истощил этих самых римлян, и после того как, оставленный всеми, на чью помощь надеялся, оказался не в силах возвратить царство, — прожил, как рассказывают, в соседнем Риму городе Тускуле четырнадцать лет в качестве частного лица в полном покое; вместе с женою он достиг старости и умер, вероятно, более желан-

ной смертью, чем его тесть, погибший от злодеяния своего зятя и не без ведома, как прибавляют, своей дочери. Римляне, однако же, называли этого Тарквиния не Жестоким или Злодеем, а Гордым; вероятно, потому, что его царственной гордости они не выносили по высокомерию другого рода. На убийство же им своего тестя, лучшего из царей их, обратили так мало внимания, что сделали его своим царем: не было ли еще большим злодейством давать такую награду за такое злодейство?

И, однако же, не ушли, оставив храмы и алтари, боги. Разве кто-нибудь станет, пожалуй, защищать их в том смысле, что они для того и остались в Риме, чтобы иметь возможность не столько оказывать благодеяния римлянам, сколько наказывать их тем, что увлекали их пустыми победами и истребляли тяжкими войнами. Такова была жизнь римлян при царях в тот достохвальный период государственной жизни, который продолжался почти двести сорок три года, до изгнания Тарквиния Гордого; период, в течение которого все те победы, купленные ценою такого множества крови и столь великих бедствий, едва раздвинули границы государства на двадцать миль от города – пространство, с которым нельзя в настоящее время сравнить даже территорию любого маленького города гетов!

Глава XVI

О первых консулах у римлян, из которых один изгнал из отечества другого и вслед за тем после зверского отцеубийства погиб в Риме, получив рану от раненого сердца

Присоединим к этому периоду и то время, когда, по словам Саллюстия, соблюдались еще справедливость и беспристрастность, когда еще боялись Тарквиния и велась жестокая война с Этрурией. Ибо пока этруски помогали Тарквинию в его усилиях возвратить царство, жестокая война потрясала Рим. Поэтому-то, говорит Саллюстий, в государственном управлении соблюдались справедливость и беспристрастность, – соблюдались под давлением страха, а не по внушению чувства справедливости.

Но и в этот короткий промежуток времени, каким печальным годом был тот, в который поставлены были, по отмене царской власти, первые консулы! Не прожили они и года, на который были избраны, как Юний Брут изгнал из Рима лишнего сана товарища своего Люция Тарквиния Коллатина; а вслед за тем пал в сражении от ран, которыми обменялся с врагом, убив предварительно сам же своих сыновей и братьев своей жены, потому что узнал, что они составили заговор с целью восстановления Тарквиния. Хотя Вергилий и отзывается с похвалою об этом поступке, однако высказы-

вает вслед за тем и некоторый ужас. Ибо, сказав:

...детей, возбуждающих новые войны,
Предал смерти отец, защищающий благо свободы,

он тотчас же восклицает:

Как бы потомство о том ни судило – несчастный!

Пусть, говорит он, потомство как угодно судит о подобных действиях, т. е. пусть их оправдывает и превозносит, но убивший своих детей – несчастен. И затем, как бы утешая несчастного, прибавляет:

Так победила к отчизне любовь и жажда безмерная
славы³⁹.

Не очевидно ли, что на этом Бруте, который убил собственных сыновей и, будучи поражен тем, кого поразил сам, не пережил своего врага, сына Тарквиния, но был пережит этим же Тарквинием, отомщена была невинность товарища его Коллатина, который, будучи добрым гражданином, перенес по изгнании Тарквиния то же, что и сам Тарквиний? Ведь и тот же самый Брут, как говорят, был родственником Тарквиния. А между тем Коллатина погубило только сходство имени: он назывался также и Тарквинием. В таком слу-

³⁹ Virg. *Aeneid.*, lib. VI, v. 820–823.

чае пусть бы принудили его переменить имя, но не отчизну. Пусть бы, наконец, в имени его не было этого названия; пусть бы он просто звался Луций Коллатин. Но его не лишили того, чего он мог лишиться безо всякого для себя ущерба, чтобы заставить, как первого консула, потерять сына, а как доброго гражданина – гражданство. Не эта ли отвратительная и во всех отношениях бесполезная для республики суровость и составляет славу Юния Брута? Не ради ли осуществления ее и победила к отчизне любовь и жажда безмерная славы?

Луций Тарквиний Коллатин, муж Лукреции, во всяком случае был поставлен консулом вместе с Брутом тотчас же по изгнании тирана Тарквиния. До какой степени справедливо относился к делу народ, обращавший в гражданине внимание на нрав его, а не на имя? И до какой степени несправедливо лишил отечества и власти Брут своего товарища по этой первой и новой власти, когда мог лишить его только имени, если имя его оскорбляло? Такие злые дела делались, такие случались бедствия, когда в этой республике соблюдались справедливость и беспристрастность. Так же точно и Лукреций, избранный на место Брута, умер от болезни прежде, чем окончился тот год. После уже Валерий, бывший преемником Коллатина, и Гораций, избранный на место умершего Лукреция, закончили этот похоронный и адский год, имевший пять консулов, – год, в который Римская республика впервые установила новый сан и власть самого консульства.

Глава XVII

*Какими бедствиями после первых лет консульства
была терзаема Римская республика, не получавшая
помощи от богов, которых чтит*

Потом, когда страх несколько уменьшился, — не потому, что утихли войны, а потому, что не давили уже такой великой тяжестью, — по окончании того, так сказать, времени, в которое соблюдались беспристрастность и справедливость, последовало то, о чем вкратце рассказывает сам же Саллюстий: «Потом патриции начали поработать народ, распоряжаться его жизнью и добром с поистине царской властью, лишая его полей и управлять государством одни, с устранением от участия в том остальных. Выведенный из терпения этими жестокостями и особенно долгами, когда непрерывные войны требовали и податей, и отправления военной службы, вооруженный народ удалился на священный авентинский холм и там выбрал себе народных трибунов и учредил другие права. Конец этим раздорам и усобицам положила вторая Пуническая война»⁴⁰.

Итак, зачем мне вдаваться в такие длинные описания и останавливать на них внимание своих читателей? До какой степени была несчастна республика в столь продолжитель-

⁴⁰ Sallust. *Histor.* lib. I.

ный период, в течение стольких лет до второй Пунической войны, когда извне не переставали беспокоить ее войны, а внутри – раздоры и мятежи, об этом сказал Саллюстий. Поэтому знаменитые победы Рима были не истинной радостью людей вполне довольных, а суетным утешением несчастных и обманчивым побуждением к перенесению новых бесполезных страданий для людей беспокойных. Добрые и благоразумные римляне пусть не сердятся на нас за то, что мы говорим подобные вещи; хотя об этом их не следовало бы ни просить, ни в этом убеждать, так как, несомненно, они не будут сердиться. Ибо мы высказываемся не более жестко и не более жестокие вещи, чем высказывают их же писатели, далеко превосходящие нас красноречием и подробностью изложения; а между тем они и сами трудились над изучением их, и заставляют над этим трудиться своих детей. А те, которые сердятся, выслушают ли меня спокойно, если я скажу только то, что говорит Саллюстий? «Возникли весьма частые беспорядки, восстания и, наконец, гражданские войны, когда немногие сильные, которым очень многие старались угождать, под благовидным предлогом защиты интересов патрициев или плебеев стали стремиться к господству; и добрыми и дурными гражданами стали называться не за заслуги перед республикой, – так как все одинаково были испорчены, – а добрым считался тот, кто был наиболее богат и мог сильнее наносить обиды, коль скоро защищал данное поло-

жение дел»⁴¹.

Далее, если упомянутые историки считали, что истинная свобода не должна молчать о болезнях своего государства, которое во многих отношениях они поневоле превозносили в похвалах, ибо для них не существовало другого, более истинного государства, которое должно состояться из вечных граждан, то как прилично поступать нам, которые, чем лучшую и вернейшую надежду имеем в Боге, тем большую должны иметь свободу, когда нашему Христу вменяют в вину болезни настоящего времени, чтобы более слабые и более простые умы заставить отказаться от того государства, в котором одним возможна жизнь непрерывная и блаженная? Да мы и не говорим о богах их более ужасных вещей, чем те, что то и дело говорят их же писатели, которых они читают и восхваляют. То, что мы говорим, мы берем именно у этих самых писателей, и при этом отнюдь не в состоянии высказать все (что сказано ими) с такою же силой.

Итак, где же были эти боги, которых полагают нужным почитать ради короткого и обманчивого счастья в этом мире, – где были они, когда такие бедствия обрушивались на римлян, которым они с коварной ложью выставляли себя для почитания? Где были они, когда был убит консул Валерий, мужественно защищавший Капитолий, подожженный ссыльными рабами? Скорее он сам мог принести пользу храму Юпитера, чем в состоянии была помочь ему толпа стольких

⁴¹ Sallust. *Histor.* lib. I.

божеств с величайшим и верховным царем своим, храм которого он отстаивал. Где были они, когда измученный непрерывными мятежами и несколько успокоившийся в ожидании послов, отправленных в Афины для заимствования законов, город был опустошен тяжким голодом и моровой язвой? Где были они, когда народ, снова страдавший от голода, поставил первого префекта хлебных запасов; и когда, при усилении голода, был обвинен в домогательстве царской власти Спурий Мелий, раздававший хлеб голодавшей черни, и по настоянию того же самого префекта и распоряжению одряхлевшего от старости диктатора Квинтия был убит Квинтом Сервилием, магистром всадников, при величайшем и опаснейшем смятении города?

Где были они, когда с появлением страшной моровой язвы народ, долго и беспомощно страдавший, пришел к мысли устроить бесполезным для него богам новые лектистернии, чего прежде никогда не делал?

Постилались в честь богов ложа (*lecti sternebantur*), отсюда получил свое название и сам религиозный обряд, или, вернее, – святотатство. Где были они, когда римское войско, безуспешно сражаясь, терпело под Вейями в течение десяти лет постоянные и страшные поражения, пока наконец не помог ему Фурий Камилл, которого потом осудили неблагодарные граждане? Где были они, когда Рим взяли, разграбили, сожгли и наполнили трупами галлы? Где были они, когда произвела величайшее опустошение та необыкновенная язва, от

которой погиб и этот Фурий Камилл, защищавший неблагодарную республику от вейенцев, а потом освободивший от галлов? Это была та самая язва, во время которой сценические игры принесли новую язву уже не в тела римлян, но, что гораздо губительнее, в их нравы.

Где были они, когда появилась другая страшная язва от употребления, как полагают, ядов матронами, нравы которых, причем весьма многих и из самых благородных фамилий, оказались ужаснее всякой язвы? Или когда оба консула с войском, осажденные самнитянами в кавдинских ущельях, вынуждены были заключить постыдный договор; так что, оставив заложниками шестьсот римских всадников, остальные, сложив оружие и лишенные врагами всех своих доспехов, должны были в одном платье пройти сквозь строй врагов? Или когда при страдании других от тяжелых и заразных болезней многие в войске погибли от ударов молнии? Или когда, также во время другой невыносимой язвы, Рим вынужден был вызвать из Епидавра и принять в число богов Эскулапа в качестве бога-врача, ибо царю всех богов, Юпитеру, уже давно сидевшему в Капитолии, сладострастие, которому он предавался с юности, не дозволило, очевидно, изучить медицину? Или в то время, как вступившие однажды в заговор враги: луканы, бруттии, самнитяне, этруски и галлы, – сперва убили послов, а потом разбили предводительствуемое претором войско, причем погибло семь трибун и тринадцать тысяч воинов? Или когда после жестоких

и продолжительных раздоров в Риме, в результате которых народ от свойственного врагам грабежа удалился на Яникул, бедствие приняло такой грозный характер, что ради этого, как делалось обыкновенно при крайних опасностях, был поставлен диктатором Гортензий; и когда этот Гортензий, возвратив народ, умер во время отправления своей должности, чего прежде не случалось ни с одним диктатором и что служило для этих богов тем более тяжким укором, что случилось уже в присутствии Эскулапа?

После этого разные войны усилились до такой степени, что из-за недостатка воинов на военную службу стали набирать и пролетариев, которые потому и получили свое имя, что, не будучи в состоянии по бедности нести военную службу, освобождались от нее для рождения детей (*proles*). Врагом римлян сделался и призванный тарентинцами Пирр, царь греческий (эпирский), пользовавшийся в то время необычайною славой. Между прочим, когда он спрашивал о возможном исходе своего предприятия, Аполлон довольно остроумно дал ему такое двусмысленное предсказание, что мог оставаться вещуном, что бы затем ни случилось. Он сказал: «*Dico te, Pyrrhe, vincere posse Romanos*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.